

(66)

Παρμενίδης δευτέρως.

69, 10: I

7.

(об истинности ~~то~~ метафизических истин)

καὶ δοκεῖ ἡ ἀνάγκη ἀεὶ εἰδέναι τι εἶναι,
ὅρθως.

Stitt. Met. 1015a 30.

I

~~Мы живем, окруженные бесконечным множеством тайн. Все это
знаем, но только что об этом вспоминаем. И еще разве кто спро-
сит себя, откуда, зачем, почему тайны? Разь сего, стало быть так
и быть должно, стало быть это „во порядке вещей“, стало быть нужно
принять. Принять и перестать допытываться о том, что узнать по-
не дано. Правда, с незапамятных времен у всех народов появлялись
люди, которые спокойная жизнь среди неразгаданных тайн называли
безумной и несносной. И они знали, что нам не дано „разгадать“,
но это не мешало их пытливости и тревоге. Каоборот, разве
меньше давалась в руки тайна, тем больше разгоралась тревога.
Тревога не только о том, откуда мы идем, откуда пришли, что было,
когда нас не было, что будет, когда нас не будет; но и о том, как
это случилось, кому это понадобилось погрязнуть в существующих, душа-
ющих, ищущих людей в бездонную пропасть и иску в враной та-
инственности и неведении? ^{Но, как?} ~~Как~~ на загадочной окружающей нас тай-
ны. самое загадочное и тревожное, что тайна вообще существует, что
мы как бы ослепительно и навсегда отрезана от истинности и нашей
жизни. Из всего, тему мы являемся свидетелями на земле, что это
самое полное и бесчастное, самое страшное, почти противостоит~~

^{исотрасти}
 бейное, ~~первое~~ ^{наводящее} на мысль, что либо во самом мірозданіи
 не все благополучно, либо наши походы въ истину и представляемъ
 нами въ ней требованіи пораженъ въ самомъ морнѣ мажнѣ то по-
 рокомъ. Какъ бы мы не опредѣляли истину, но никогда не можемъ
 отречься отъ декартовскихъ слогъ et distincte (ясно и отчетливо),
 и тутъ - вогнамъ тайне, вогнамъ непроницаемости, словно еще до со-
 творенія міра кто то разѣ на всегда рѣшилъ закрыть доступъ слову
 въ толпу, что для него непонятно и непонятно всего. Но, что мы считаемъ
 истиной, что мы добываемъ нашими мысленіемъ оказывается въ на-
 шемъ то смысле неизолирующимъ не только со вѣнчаннымъ міромъ,
 въ который насъ окунали съ рожденія, но и съ нашими собой вѣнчанными
 внутренними переживаниями. У насъ есть наука, если угодно даже наука,
 которая растетъ и развивается не по днямъ, а по годамъ. Мы зна-
 емъ очень много и наше знаніе есть знаніе ясное и отчетливое. На-
 ука съ законной гордостью отягачается на свои огромныя завоеванія
 и ищетъ все права разсчитывать, что съ помощью этого щепотки
 никто не въ силахъ остановить. Въ огромномъ ~~практическомъ~~ значе-
 ній науки никто не сомнѣвается и сомнѣваться не можетъ. Воскресни
 теперь Аристотель и его ученикъ, Александръ Македонскій, имъ бы пока-
 залось, что они попали въ страну не людей, а боговъ: Аристотелю не
 хватило бы и десяти жизней, чтобы освоиться съ набожными и иже
 на земли помыслить его смерти знаменіи, а Александру, пожелавъ, уда-
 лось бы полностью осуществить свою мечту о завоеваніи міра. Слогъ
 et distincte оправданъ весь возманился на ничь надежда...
 Но "туманъ" первоначальной тайны не разсѣялся. ~~Скорѣе~~ еще болѣе сгу-
 щился. Къ тому же врядъ ли понравилось хоть одно слово изъвинитъ
 въ своей притчи о пещерѣ. Это тоска, это тревога, это "креду вѣствія"
 не наши бы себя отбѣта въ нашемъ знаніи. Міръ "въ своемъ" нашемъ
 "полнотѣ" ^{нашихъ} наука, остался бы для него, какъ и было, мрачнымъ
 страшнымъ подземельемъ, а мы связанные по рукамъ и по ногамъ
 узниками и ему пришлось бы вновь грозить неслыханнымъ ужасомъ, чтобы

словно въ битвѣ (ὡς περ ἐν μάχῃ) прорватся сквозь истину, создавая тѣмъ и науки, которая "презантъ о еущемъ, но которая на яву ея видѣнъ не могутъ" (ὁ γὰρ αὖτος οὐκ ἐν περὶ τοῦ ὄντος, ὡς περ δὲ εἰδὺνα τον αὐταῖς ἰδεῖν).¹ Конечно, Аристотель благодарилъ бы наше знаніе, Платонъ продалъ бы его проклятію. И, наоборотъ, ниче время съ распро-
тертими объятими приняло бы Аристотеля и сими рѣшительными образами отторглось бы отъ Платона.

Но, спросить: что значить, какая сила и власть дана благословенію и проклятію людей, если даже эти люди были бы исполнены въ вѣрѣ Платона и Аристотеля? Станетъ ли истина истиннее оттого, что ее благословилъ Аристотель или превратится въ ложь потому, что ее продалъ проклятію Платона? Развѣ рано людямъ судить истину, рѣшать судьбы истинно? Вѣдь наоборотъ: истина судитъ людей и рѣшаетъ ихъ судьбы, а не люди распоряжаются истинами. Люди, великіе и малые, рождаются и умираютъ, появляются и исчезаютъ, истина же пребываетъ. Когда никто еще не начиналъ молить и искать, истина, которая въ послѣдствіи открылась людямъ, уже существовала. И когда люди исчезнутъ собою съ лица земли или потеряютъ способность молить, истина отъ этого не забудетъ. Аристотель изъ этого извелъ въ своихъ философскихъ изысканіяхъ. Онъ говоритъ, что гарменида былъ принужденъ (ἀναγκάσθηνος) сговоратъ за авлениемъ. Въ другой разъ, когда рѣчь у него идетъ о томъ же гарменидѣ и другихъ великихъ греческихъ философахъ онъ пишетъ: ἀναγκάσθηνος ἐν αὐτῇ τῇ δ' ἀληθείας ἀναγκάσθηνος (Met., 984b1), что значитъ: принужденіе самой истиной. Аристотель ^{твердо зналъ} ~~не сомневался~~! истина дана властью, принуждаетъ людей — ^{всего этого} ~~всѣхъ людей~~ безразлично, ~~были~~ и будутъ ^{или} то великій гарменида или великій Александръ, ~~или~~ ^{будетъ} то несчастный рабъ гарменида или китонскій ~~но~~ ^{хозяинъ} Александра. Потому истинно дана властью надъ гарменидой и Александромъ, а не гармениду и Александру когда истиной, такого вопроса Аристотель не ставитъ. Если бы ^{не} былъ такой вопросъ

Задачу, они бы со не услышали и заявили бы, что это вопрос бы-
 емоуспешный, абы не пелюхай, что такое можно сказать, но небыла ду-
 шам. И не то, что бы они были безответственны, но были равнодушны
 существам, существам, которому все равно. Или даже, что бы они
 могли сказать про себя, как Ямлет: „я люблю человечество, во-
 лить и жить несли и линия обиды не порок“. Аристотель порок оби-
 да. В другом месте мои все „метафизики“ он говорит, что
 пред необходимостью только склоняется: и все насильно (навязанное)
 называется необходимостью (τὸ γὰρ βίαιον ἀναγκάϊον ἐξέσσει) и
 потому обидно, как и говорит Авер: самое испытанное при-
 принуждение только и обидно. И принуждение есть необходимость —
 оттого у Сократа: но сила (непреодолимая) принуждает меня
 так поступить“ (Мет. 1015a 30). Аристотель, не видя, испыты-
 вать боль и обиду пред лицом непреодолимой необходимости. Но, он
 твердо знает, как он тут же прибавляет, что ἡ ἀνάγκη ἀπείρη-
τος ὅτι ἐῖναι т.е. что необходимость не слышит убеждений. А раз
 не слышит убеждений и непреодолима, стало быт ей нужно покориться,
 обидно это или не обидно, больше или не больше; покориться и вперед от-
 казав от бесполезной борьбы — ἀνάγκη σιῆσαι. X P.C. II
 Откуда пришло это ἀνάγκη σιῆσαι, это „стало быт“, нужно остановит
 ся? Вопрос первостепенной важности, в нем, если хотите, Авер и ослет
 философии. Необходимость не поддается убеждениям, она их даже не
 слышит. Обида вопиет к небу, если бытие не к кому воззвать. Конечно,
 в иных случаях, даже очень часто, почти всегда обида воззывает и
 умоляет: люди забывают и горения и тяжелейшие потери. Но бывают
 обиды незабываемые. Пусть отсохнет моя рука, пусть прильнет мой
 язык к горлоу, если я забуду тебя, Иерусалим — я все уже два раза
 слышал повторять за псаломщиком его заклинание. Разве псалмо-
 певец не „знал“, что необходимость не слышит ни убеждений, ни
 клятв, что она ничего не слышит и ничего не боится, и что его голос
 будет, должен быт голосом вопиющего в пустыне? Знал, но не

но - так же хорошо знает, как и Аристотель. Но, повидимому, у него было еще что-то, кроме знаний. Повидимому, когда человек чувствует такую обиду, как это чувствует псалмопевец, его молитвенное совершенно нестигаемо претерпевает в самом своем существе такую непонятную и таинственную измывку. Он не может забыть Иерусалима, не забывает о власти необходимости, о непреодолимости этого неслыханного иль, когда и даже так страшно вооруженного врага и, ничего впереди не задумывая и не раздумывая, вступает со ним в страшной и послужившей богу. В этом паде духа много плотнических слов: ἄνθρωπος καὶ ἰσχυρὸς καὶ ἰσχυρὸς καὶ ἰσχυρὸς καὶ ἰσχυρὸς καὶ ἰσχυρὸς. Тот же значение имеет и псалмопевец: πάντα ἔργα σου ἐν ἡμῖν, ὁ θεὸς ἡμῶν. Только тогда человек способен вступить в борьбу с великою силой. Ἄρδια (необходимость), ~~если он вечно существует~~ ^{выпадает} когда в нем просветилась готовность к безпредельному и не прекращающему не останавливающемуся держанию. Такое безпредельное держание не может быть ничем оправдано, оно есть крайнее выражение безотрады. Забудьте в духу Аристотеля и во в этом легко убедиться. Все воображения расположены у него в средней полосе бытия и все, что переподнимать за предматерию ~~э~~ "средняя" evidencia составляет о пороках и пороках. Ἄρδια ἐν ἡμῖν (чуждо отклонения) так же господствует в его духе, как и в его метафизике. Последнее его слово - благодарение необходимости и прославление духа, необходимости которых так же.

Не только добро, но и истина ищет ищет попросту человеческого. Кто читал хотя бы прославленную двенадцатую книгу (особенно последние главы) метафизики и девятую и десятую книги его "Никомаховой этики", тот знает, как благодарно молится Аристотель на необходимость, которая не случается убеждений и которую он не был в силах преодолеть. В Платоне его больше всего раздражала (а, может, и тревожила) та сущность или, лучше сказать его собственными словами "то дерзновенное и безотрадное, которое ему внушили люди, что такое в великой и послужная борьба уготована человеческим духам?" Если действительно все держат, то не полагаясь ни на что быть безотрадным.

являющиеся необходимыми только предант в действительности существу-
 ющему, а видят его на яву и не даю. Слова Платона казались
 Аристотелю надуманными, фактическими, умозрительно возводя-
 щими. Но, как заставить замолчать Платона? Как принудить
 его не только в видимом, эмпирическом бытии покориться необхо-
 димости, но и в идеальном воздавать ей должный почет, на который она
 илнотит, по убеждению Аристотеля, все права? Необходимость — есть
 необходимость не для спящих, а для бодрствующих. И бодрствующие, которые
 видят необходимость, видят истинно существующее, а Платон с его дерзост-
 ями и безтактностью, нас от истинного существа отводит и направляет
 нас в область фактического, призрачного, иллюзорного и, по сути, ложного.
 Ничто напрочь чужды не останавливаться, чтоб с корнем вырвать из
 человеческого тела „свободолюбивое стремление, которое получило свое выра-
 жение в творениях Платона. Ἀνάγκη (необходимость) непреодолима
 сама истина, по сущности своей и природе есть принуждающая исти-
 на, и в покорности принуждающей истине истинные вещи — чужды
 кинь однородности. Ὁν ἀντὶς τῆς ἀληθείας ἀνάγκη δούλοισι (при-
 нуждающая сама истина) — гласит сое слово Парменид, Ираклит,
 Анаксарх. Так быт — гласит, так всегда было, так всегда будет.
 Не Парменид ^{вечный} повелевает нас истине, а истина влечет нас
 над Парменидом. И отказ от повиновения принуждающей, худшей
 истине невозможен. Это было: нельзя даже не благословить ее, к
 чему бы она нас не вудила. В этом востан мудрость — человечес-
 ная и божественная — и задача философии в том, чтоб присут-
 ствие радости покориться ничто не слышавшей, но всему безразлич-
 ной Необходимости.

II

Остаемся и спросим: зачем понадобилось принуждающей ^{истинной} ~~необходи-~~
 человеческое благословение? Итого так — по почину Аристотеля о
 том, чтоб добить для своей Ἀνάγκη (необходимости) человеческое благо-
 словение? Разве она и без благословения не противит? И, если Необходи-

мость не слыхать удивления, то разве славословие с^и субъектой? Никого
 сомнений, что славословие так же мало укладывается до пропущенной исти-
 ны, как любовь и проклятия. Камни цветены никогда не трелили, а лишь
 в^ь ответ на вдохновенные проповеди святых. Но это и научно. Ничто,
 что^и святой на молитве камней - Необходимость, в^ь д^е, так же ко всему
 равнодушна, как и камни - история из своей груди восторженной осянкой.
 Намного опять хотя бы названная глава из "Аптаризки" и "Дикки"
 Пристотенца - первоосвещенника видной и невидимой церкви "молчащих"
 людей. От нас требуется, что^и мы не только слышим, но и прелю-
бимся пред^и Необходимости: в^ь этом всегда состояла и сейчас состо-
 ять основная задача философии. Философия недостаточно признает силу и
 практическую власть того или иного порядка вещей. Она знает и боит
ся (начало всякого знания есть страх), что практическая сила т.е. сила,
 которая возмущает только в^ь том, что она однажды покорилась себе
 Человек всегда может слышать другой силой, которая отвечает ф^и-
 стическим в^ь ином направлении. Далее и ученому, не желающему философе-
 тствовать, в^ь подготовке статьи "факта" не нужно: факты сами
 по себе не дают и ничто нам не говорят. Настоящего эмпиризма среди
 людей науки никогда не было, как не было и настоящего материализма.
 Как^{кой} ученый способен изучать факты ради фактов? Кто станет
 приставлять в^ь эту, повисшую на телеграфной проволоке
 или остановившейся на оконном стекле посылку денег каплю воды?
 Тканых каплей миллиардов и эти сами по себе никогда ученых не
 занимали и занимать не могут. Ученому нужно. Знать, что такое
 дождевая капля вообще или вода вообще, и, если он разлагает
 в^ь своей лаборатории на составные элементы затронутую им и из-
 руть воду, то не забыть, что^и изучать и узнать то, что находится
 в^ь его руках и пред^и его глазами, а что^и полученный право-
 судный об^о всякой воде, которую ему придется увидеть или не при-
 деться увидеть, которой никто никогда не видел и не увидит,
 даже отой, которая была на земле, когда во мире не было ни

одного существа, обладающего сознанием и даже вообще ни одного ни
 возмущения. Уловить паучи, знает ли он это или не знает (боль-
 шая часть, конечно, не знает), хочет ли он этого или не хочет (о-
 бязательно — не хочет) не может не быть реалистичным в средневеково-
 бовом смысле этого слова. Отличается же он от философа только тем,
 что философу приходится еще объяснять и оправдывать практику или
 научной реальности. Вообще же говоря, ^{такая} эмпиризм "есть только неудачная
 попытка философского оправдания научной т.е. реалистических методов
 исследования истины, то его задача фактически всегда сводилась к разлу-
 чению тех принципов, на которых он сам держится. Приходится
 выбирать: хотим ли быть эмпириками, купно бросить паучу и отскатать
 прочее обоснование научному познанию; хотим ли мы быть ^о прочее обоснованную
 науку, купно отдать ее во власть идеи необходимости, да еще при-
 нять эту власть изначальной, первоначальной, никогда не возникавшей и
 потому не поддающейся уничтожению т.е. надуть себя ^о преимуществами
 и качествами, которые обязательно цуца присваивают Верховному
 Существо. Это, как мы видим, и сделал Аристотель, который стал
 быть замесителем того, что он возвел в ранг закона или первонач-
 ального волье живущих на своем научно политическом пути.

Как же, повидному, несколько не преувеличить заслуги Юма, когда
 он писал ^{свое} в "Prolegomena" ^к, что за все время существования фило-
 софии ни разу не была открыта истина, по своему значению равная то-
 му, что открылось Юму. Юм вдруг — точно скорлупа упала со сво-
 ячьей — увидел, что устанавливаемая людьми "необходимая" связь
 между явлениями есть только связь действительная, фактическая,
 что "необходимости" в мире нет и что те, кто в необходимости
 говорят, только ορεσμελλοντες περι το ον (предвещают существо-
 вание), которая на аву видят или не дано. Юм был смелым
 уравновешенным ~~человечком~~ — и при том больше всего на свете дорожи-
 лым своим уравновешенностью — человеком, чтобы отыскать и испол-
 зовать сдвоенное или великое открытие. Если угодно, это можно

сказать обо всех людях, у которых спадала с глаз скоруха и ко-
торые сподобились бытию что либо отнюдь необычное: солнце и тучи и
вселяются своими собственными обитателями царства тьмы. Юмь вер-
нул необходимость почти все еще крепкая державная права, а Кант же,
который естественной ему утоплен ^{ство} ~~непосредственно~~ ^{непосредственно} ~~мощности~~ и под
восемидесятью перьями испытывал неспособность от этого летавшего
почти или для всех незаметного „почти“, являлся на свои конспир-
канский почуток, чтобы вновь и править наше мышление на том же
вторичном, царственном пути (Königlicher und sicherer Weg), по которому
отъ была или математика...

Юмь пробудил Канта от догматической усталости своей неослабав-
память открылась. Но разве можно было довериться ни земле? и
разве φύσις ἄσπετος (недремлющая природа), говоря словами Локка,
(Энн. II, 5, 3) есть естественное состояние человека? С другой стороны, „разве
презит в снот или на дбу не знающий прикипать то, что похоще (на
действительность) не да похоще (на действительность), а за ту дейст-
вительность, на которую оно похоще?“ Необходимость похоща, может
быть илли вора, на то, что действительно существует, — но она не
есть действительно существующее, она лишь для того, кто презит
представляется действительно существующей. Незаметное „почти“
Юма могло бы оказать огромную услугу мышлению и чувству чело-
вечеству, если бы оно сохранилось во тьме века, во каком оно впервые
предстало перед платоновскими философами. Но Юмь сам истребился
откровенно ему ~~необ~~ ^и ~~попытки~~ ^{навалились} на него все, что было по ру-
кам, чтобы только оно не мозолило глаз. Канту же и этого по-
казалось недостаточным и он ввел юмовское „почти“ в предельно си-
стематические суждения а priori, в „утопическую“ т.е. собственную недостаточ-
ную, или связанную с нами не связанную и ни для чего нашу непонятную область
того, что он называл Ding an sich. Поэтому, давши Канту Юмов
разбудить ^{великую} ~~непосредственную~~ философию от сна. Но Кант ^{понял} ~~увидел~~ свою
миссию и свое познание во тьме, сказать, что путь во тьме бы то ни

стало оберегать и себя, и других от возможности повторения внезап-
 нных и грубых толчков, так нарушающих покой нашего сонного бы-
 тия и создающих свою „критическую философию“. Вместе с юмобскими
 „почти и метафизика была введена за ограду эмпирических суждений
 а priori, из которых, после Канта, перешли все право старой Андрей
 (необходимости) и которая, вот уже полтора столетия обеспокоивают
 европейскому человечеству спокойный сон и веру в себя. В. Д. С. И
 Для Аристотеля, побуждению, самой неволе и неуклонной нужды была
 логикой, о том, что наша земная жизнь не есть последняя, окончательная,
 истинно действительная жизнь и, что от нее возможно, хотя бы в не-
 которой степени, такое же пробуждение, как то, которое мы пережи-
 вали, переходя от сна к бодрствованию. Когда он проследовал плато-
 новский „идеи“, он, побуждению, больше всего хлопотал о том, чтобы
 освободиться от этого, — на его опыту — совершенно кошмарного гнущего
 ния. И это тревога была, в известном смысле, вполне законной, так
 же как законна была тревога Канта, когда он своими „почти
 так безцеремонно стал растапливать его от догматической дремо-
 ты. Платоновское ἀναγκαιότητα (нужда), как и юмобское отри-
 цание необходимости связи с явлениями подпадают под самую основ-
 ную человеческую слабость. Которая ничего невозможного, все что угодно мы
 можем провозгласить из всего, что угодно и даже самый закон противоречия,
 который Аристотель хотел считать βεβαίωται λόγος ἀρχαῖος (не-
 опровержимый из начал) начинается колебанием, открывая испуган-
 ному человеческому духу царство ничто, не сдерживаем нужды произвола,
 грозящего поглотить и самый мир и излучить кошмарный туман
 мир бытия. И εἶναι и νοεῖν (бытие и мышление) превращаются
 в призраки. Как много Платон прощается говорит о своей нечестности,
 как много он ее выдумывает? Как много тем держатся охраняет
 права необходимости? И не обязано ли человечество этой благодеянием
 Аристотеля и Канту за то, что первая строкой критикой и исполнила
 необходимость верными положениями конец драматических утратлений

своего учителя, а второй ученик о сентенциальных суждениях а priori. Вольф наше мнение в это естественное дело?

Двух ответов быть не может. Аристотель есть не только основатель положительной науки - но и положительной философии. Схожие вьна не фаронь видны во всем существенном богатом по неизменному лабиринту и не рьшались даже раскрывать весь него (и, может быть, и не фза него) написавшие книги ветхую и новую савьта. И новая философия двинулась и продолжается двигаться по продолженным или путям. О Канте нужно сказать еще: он справился с беспокойным дулом сомнений, заставил его поклонить свое непокорное голову перед ангельским ликом всеобщности и необходимости.

Необходимость получила оправдание, хотя оно ей ни на что не купобавля. Святилище науки, как и рядовое учение слабословящих Необходимость, хотя она равнодушна и не хучь и не похвалам. Сомнующих в ее царственье правых могут быть дурыне, либо безумные люди. Но, стала-ли она отъ членовской защиты крепче и сильнее? Или, быть может, нужно и наспросить: не вь том-ли ее сила, что люди взяли ее под свою защиту и окружили ее неприступной стеной, сложенной изъ вкобанных вь воинь заклинательных слов?

III

Сенек, хотя сам он и не был оригинальным философом, и тогда, как известно, ^{хорошо} удавался схватывать и передавать чужие мысли. Все, о чем у нас шла речь вь предыдущих главах, он формулировал вь неслыхные, но ставшие очень знаменитыми слова: *ipse omnium conditor et rector. semper parat, semel fuisse* (сам основатель и издатель мира - всегда повинуеться, и лишь раз повелевал). Такие думал не Сенека, такие думали древние, такие думали все мы. Один раз только Бог повелевал, потому и он сам и все люди за ним уже не повелевают, а повинуются. Приказал он давно, бездонно давно, так что и сам забыл о том, тогда и при каких обстоятельствах произошло такое ии сь чьим несообразное и потому противоестественное соитие и, пожалуй, даже за бездонно долгое время пассивного,

подчиненного существования, советам и приказам разума и ^{как} ~~мощи~~ ^{мощи},
и чин, простые смертные, только повинуются. Или иначе: охотнее проявля-
ная чин воля и действительность истерпала навсегда со творческую энергию и теперь
виз обречен, направил со созданием чин миром и волей, что в миром нахо-
дится, только ^и ~~осуществляет~~ ^{осуществляет} предписания, зотти и свои собственные, но уже на-
вязки нерушимы. Или еще иначе: сам творец мира оказался в власти чин
на самими созданный *And'ku* (необходимость), которая нисколько не ища
того и не стала властницей вселенной. } *fm*
Постороню: формулировка Сепки принадлежит, безспорно, ему самому — но
мощь, в ней выраженная, — не его мощь: так думают, так продолжают
думать все образованные люди всех стран. Почему так думают? Быть
кто свидетелем, как создавался мир, или творец мира открыл эту
истину кому-либо из людей? Никого при сотворении мира не было, никто
тогда не могнет познать близость к творцу. Мощь,
выраженная Сепкой, превратила иудей именно тогда, что таинственной и
непостижимой мощью *живе* отодвинул в бесконечное прошлое и
признал нестворимым (*semper fuisse*), а для постижения необходимости
избрано рече, которое нестем понятным, естественным, короче-
ным угодным не только для твари, для сотворенного, но и для самого
творца. И тогда Сепка прав: в рече все понятно, ясно, открыто, и ста-
ло быть естественно. В *живе* же все загадочно, ~~таинственно~~, произвольно
и, стало быть, драматично ^{и таинственно} ~~и таинственно~~. Если бы можно было,
Сепка и ты, у которых Сепка воучился ^{и не} ~~мощи~~, предположи бы о ~~фак-~~
^{таинственном} ~~таинственном~~ *живе* ~~никогда~~ ^{и не} ~~вспоминать~~. Кикто, никогда ничего не
приказывал, ~~во~~ ^{и таинственно} ~~всегда~~ ^{и таинственно} только повиновался, ибо никогда не было ничего
вероятностно-^{и таинственно} ~~в~~ ^{и таинственно} ~~смысла~~ ^{и таинственно} ~~отдаленное~~ ^{и таинственно} ~~времени~~, как и в наше время —
а всегда было только ^{и таинственно} ~~естественно~~. И загадочной философии, знания, в том,
чтобы всеми, доступными ей способами укрепить и поддерживать *Необ-*
ходимость. Но, какие способы ей доступны? Изменить что либо в приро-
ду необходимости, прибавить или усилить ее в ее бытии, — смертным
не дано. Остается только одно: убеждать людей, доводами или заклина-

нѣмъ, что, съ одной стороны необходимость всемогуща и добродѣтельна и не
 ни въ тѣхъ привести не можеть, а съ другой стороны, что необходимо и
 божественнаго происхожденія (для этого и припасено *semel fuisse*), и что
 отказываѣтъ имъ въ повиновеніи — неосмысленно и безправитвенно. Помѣнее Сенека
 истощающу въ провозвѣщеніи Бога, который разучился повелеванію и мѣрѣ,
 которое извѣщаютъ безпредѣльную покорность. Non ratio Deo, sed assentia;
 et animo illi, non quia necesse est, sed quod: я не повинуюсь Богу, я пре-
 сную его; я слѣдую за нимъ отъ всей души, а не потому, что необходимо,
 или еще въ значеніи томъ перебои слова стоика Кассиуса, которыми еще
 Цицеронъ воспользовался: *fata volentem elidunt, nolentem trahunt* — судьба со-
 ласивъ съ нею водитъ, не согласнаго тащитъ и т. д. — конечно, было бы ^{привести} (фр. сѣмъ)
 и страницы изъ Сенеки или Цицерона привести въ такого рода размыш-
 леніи...

Скажутъ, что и Сенека и Кассиусъ, на котораго Сенека опирается, суть
 выразители идеѣ стоической школы, что ма не вправдѣ, наоборотъ, въ Фригидіо-
 нѣ сепативъ на стоиковъ, односторонность которыхъ была уже отмѣ-
 чена древними. Но я думаю, что ближе къ истинѣ было Эпикуръ, который
 откровенно признавалъ, что более вѣрно восприняло древнюю философію
 отъ Цицерона и Сенеки и ихъ глазами могъ бы на древнихъ. И еще кра-
 вильнѣе: односторонность стоиковъ и даже грубая прямолинейность Ци-
 церона ^{иной разъ} ~~въ известномъ смысле~~ больше развѣщаютъ намъ сущность
 античнаго (и нашего) мышленія, чѣмъ творенія Платона и Аристотеля.
 Изъ стоиковъ отпочковалъ со стигматическими предпріимствіями. Но польза
 сдѣла даже оцѣдочно представитѣль, во что превратилась бы европейская
 мысль, если бы развѣтляясь стоиками въ міръ идеи не возили бы стали
 нашими цвѣтомъ. Стоики были порою слишкомъ откровенны —
 а много идеи находятъ себѣ признаніе ^{лишь} ~~только~~ при томъ непрямомъ и
 условномъ и ^{лишь} ~~только~~ потому, что они умѣютъ не показывать свое насто-
 ящее лицо и даже тоща, когда нѣтъ, отрывая отъ себя и предать са-
 мому себя. Хоть, ослѣпавшіе откровенно на натуру своего отца блѣдъ
 призывающіи исторіей въ позорному стыду. А сколько людей отягощено

и никому на ум не приходило обличать их. Однако, рассуждая, Взвешивая
считается самым почтенным делом: вся истинная философия, с ее
опосредствованием непосредственного, есть только порядок. Сидящий, что
это "наш отец" не занимало. Я отвечаю, что он орадовался и
таким образом, который еще предстоит разъяснить, этот наш
отец. Но тем же званием можно говорить и что нужно замол-
чать. Столкнувшись с "знанием" было чуждо и еще в ^{большинстве} мнений
ципикант. Вся "вина" ципиков была только в том, что они
"безусловно" добрыли своему, человеческому, ораждающему разуму.
Другие, почти все, уповали в том же — кто из людей не добря-
ет разуму? Но другие умили горьким про себя нечто из того,
что они получили. Да свое безусловное доброе (^{к разуму}) и их прославляли,
как мудрецов, а ципиков называли собаками. Третьего сына Иова
и ципиков и отчасти столбов укоряют не в том, что они ора-
ждались и видели "нашу истину": это дозволяется и даже поощря-
ется. Не прощают им только, что они назвали вещи собственными
именами, говорили про ораду, что она есть орадка, про нашу, что
она есть наша. Блаженны ораждающие, но молчаливые, блаженны
видящие, но скрывающиеся. Почему так? никто не умеет ответить. Вид-
но, ^{ко} при всяком желании, как и Сократу, представлялся демон, с рожни-
тельной минутой властно отъезжающий будущий таинственный и
глубокий, смысл которых для него непонятен и навсегда скрыт. Но,
если такой демон существует в природе и если даже самые безстраш-
ные люди не смывают отказав ему во повиновении, то как не пользо-
ваться, откуда, из каких миров пришел к нам это загадочное
существо? Но спрашивать никому не охота. Знать, что есть кто-то
(а может быть и что-то: впрочем неизвестно, как о демоне говорить
полагается, как о ком-то или о чем-то) кому дано или кто приво-
дить себя правь представлять к людям жизни не мотивированный требо-
ваниями — и эти вполне удовлетворяются. Демон предписывает, люди
слушаются. И вот радость, что наконец, наконец, власть, возмущающая и

решающая, освобождающая от «необходимости», что можно, да же должно
необходимо остановиться — ἀνάγκη ὁρῆναι.

Опять статуя, что я претупил границу: начал говорить от имени
«большой», а кончил словами прославленного философа. Везде ἀνάγκη ὁρῆ-
ναι (необходимо остановиться) и сам только что приводил, как сло-
во Аристотеля. Но, видно обыватель не так далеко от философа
идет то, в каких то случаях или концах, на каких то глубинах
или поверхностях обыватель с философией ^{начать} встречается. Сенека, кото-
рой провозгласил свое patet semper, fuisse semel (всегда повинует-
ся, приказан лишь раз), как последнее, отосланное им у фило-
софов слово мудрости, только перефразировал Аристотеля. Аристо-
тель, как и обыватель знает ничего не хочет о жизни, ему нужно
только повиноваться (патете), чтобы, повинаясь, исполнить то, что
есть, что все считают «назначением человека». Ему все равно, откуда
исходят повеления, лишь бы было что, как Сенека нам откровенно
признал, истинные жизни уже на всегда исчезли. Больше во мире
никогда уже повелевать не будут, все всегда будет повиноваться:
великие и малые, праведники и грешники, смертные и боги. Ἀληθὴς
(истина) не различает различий — она равно принуждает великого
карменнида, как и любого поденщика. ἡ ἀρχὴν ὁρῆναι ἀνάγκη
τοῦτο (карменнида, принуждаемого) и поденщика, принуждаемого.
И да же боги во власти необходимости: ἀνάγκη δ' οὐδὲ θεοὶ παύονται
и боги не борются с необходимостью... Догадывались о том, от-
куда у ἀνάγκη (необходимости) эта власть принуждать всего и
всякого — нельзя. Нельзя да же ^{спросить} ~~догадываться~~, какова природа этой
~~А~~ ἀνάγκη и поэтому понадобилось ей нудить невольных существ.
Она не только не отвечает, но и не устывает возвращать
на те же вопросы. Не же меньше способна она погубить убогих и
удачливых, Аристотеля, сам Аристотель, который как никто
другой умел отягиваться и вснаприваивать в то, что за ним, и
предь ним, Аристотель сказал нам, что ἀνάγκη ~~αὐτὴ~~ ἀναγκαστική

ἔϊναι. Въ какую бы область философскаго мышленія мы не пришли - всреду
мы натѣкиваемся на эту сильную, тихую и нѣмую Ἀνάγκη. И
мы убѣждены, что только тамъ начинается философія, тѣмъ открыва-
ется цѣлѣвое „строгой“ необходимости. Наше мышленіе, въ по-
лѣтѣхъ своемъ опредѣленіи, есть ничто иное, какъ разясненіе этой
„строгой“ необходимости. Этого бальме не даромъ еще Парменидъ ^и ^{наше} ^{мысли} ^{есть} ^{необходимо} ^{развивающееся} ^{осознаніе} ^{необходимости}
всего, что составляетъ содержаніе бытія. Откуда пришла необходи-
мость: изъ бытія, что въ поясѣ въ мышленіи или изъ мышленія, что въ
концѣ въ бытіи, мы не знаемъ. Мы ~~и~~ ^и такого вопроса (не ставимъ,
инстинктивно, побужденію, тубѣбуя тѣмъ ^{идеологию}, забвѣдующую
всѣмъ ^{рогѣм} (мышленіемъ) и ^{ортологію}, забвѣдующую всѣмъ ^{ἔϊναι}
(бытіемъ) такой вопросъ не только не сблизитъ и не примиритъ, но
отдалитъ и на всегда поссоритъ. Кикто не хочетъ принимать на се-
бѣ отвѣтственность за то, къ чему такая ^{логика} ^{древняя} и ^{вѣчная} ^{триз-}
наппал идея, какъ идея Ἀνάγκη можетъ привести. Мышленіе и ред-
ночно да считатъ Ἀνάγκη за порожденіе бытія, бытіе, по своей
природѣ бальме ^{безпокойное}, того ^{идеи} ^{откажется} ^{отъ} Ἀνάγκη и
объявитъ ее ^{дрѣтницею} ^{чистаго} ^{мышленія}. Бытіе, ^{должно} ^{быть},
вопреки Пармениду, все таки не ^{есть} ^{то-же}, ^{тѣмъ} ^{мышленіе}. Но,
съ другой стороны, бытіе, по крайней мѣрѣ въ ^{предметѣ} ^{философ-}
скихъ ^{системѣ}, не умало ^{найти} ^{для} ^{себя}, ^{полнѣю} ^{мышленія}, ^{до-}
статочно и ^{адекватнаго} ^{выраженія}. Хотя оно, ^{далеко} ^{не} ^{всегда}
покорствуетъ Ἀνάγκη, но ^{до} ^{философій} ^{его} ^{попяти} ^{борьба} ^{не} ^{до-}
ходитъ. Мы говорили, что философія ^{всегда} ^{была} ^и ^{хотѣла} ^{быть}
^{редукцией}, ^{Везиппиг}, ^{олягкой}. Теперь ^{нужно} ^{прибавить}, ^{что} ^{олягкая},
по ^{своей} ^{природѣ}, ^{исключаетъ} ^{возможность} ^и ^{даже} ^{мысль} ^о
^{борьбѣ}. Олягкая ^{парализуетъ} ^{словесна}. Кто ^{олягчается}, ^{кто} ^{о-}
^{лягнулся}, ^{тѣмъ} ^{должны} ^{убивать} ^{то}, ^{что} ^{уже} ^{есть} ^{т.е.} ^{голову} ^{Медузы},
а, ^{кто} ^{убивать} ^{голову} ^{Медузы}, ^{тѣмъ} ^{неизбѣжно}, ^{какъ} ^{тѣмъ} ^{было} ^{извѣст-}

уже древним, превращается в камень. И это мышление, мышление камня
будет, конечно, соответствовать его каменному бытию.
Спиноза был не прав, когда уверял, что, если бы камень обладал созна-
нием, он бы думал, что падает на землю свободно. Если бы камень
надеялся сознанием, сохранить за ним его каменную природу (очевидно,
такое возможно — авторитетом презабаво Спиноза является тому доста-
точно поручей) — он бы, конечно, ни на минуту не усомнился в том,
что необходимость есть первичный принцип, на котором покоится все
бытие: все — не только действительное, но и возможное бытие. Ибо разве
игра необходимости не есть наиболее адекватное выражение объективнос-
ти? И разве и мышление, и бытие одаренного сознанием камня не
исчерпывалось бы полнотой тем содержания, которое мы находим
в игре необходимости?

Теперь дальше. Философия, моя видения, была, есть и хочет быть отягощенной.
Отягощена же вовсе не сводится — ~~но это тоже значило~~ — к простому поворачи-
ванию головы. Когда третий сын Ноя отягнулся — он из Хама превра-
тился в хана. Когда циники отягнулись — они превратились в собак.
А двести и сие жите: отягнутый, увидев голову медведя и обратившись
в камень. Я знаю, что философия плохо справляется с возможностью таких
гудесных превращений и не любит, когда о таких говорят. Но именно
то я и вспоминаю о Сократовском дельфин. Если у Сократа было "предра-
судок", если Сократ был существом, если Сократ искал защиты
от "свята" своего разума в фрагментарности и попытке ~~уже~~ прозрач-
ности высшего и ответственного мира понятий, или самими созданным
к своему давлению, то не вправе ли мы, не обязана ли мы своим раб-
ством к жизни, к бытию, к усомнению, не в своем существующем
(в этом сомневаться сейчас почти необходимость, мощь моего
было необходимости и духа Декарта), а в том, что наше мышление, то,
что мы привыкли читать за единственно возможное мышление, точно
приводит нас к неопределимому ~~и~~ полному изничтожению? (Скажем себе,
что, может быть, это не значит ничего, как бы мы не привыкли думать,

а тогда впереди. ~~И~~ Это да не все и тогда не надо, а, закрыв
глаза и уши, куда придет, ни о чем не заботясь, никого не спра-
шивая, ни о чем не тревожась, не тревожась даже о том, что, при
вашем удивлении, вы не ~~еще~~ приспособились к тем же "законам", большим
и малым, в отношении которых люди и во всех видах условий
воспринимают истину и отвергают их истинной реальностью. Вообще,
забыть о страхе, опасении, тревоге...

Сколько, сколько это не дано. Но тогда вспомните еще фразу о божествен-
ном платоне, великом ученике великого учителя ^{и всего заветного} *πᾶντα γὰρ τοῦτο ἡ ἐξου-*
σὺν дерзавь на все. Нужно попытаться пойти против самой *Ἀράξης*,
попытаться возложить из власти мертвой, но всему безразличной силе
никого и глумящегося Пармениды. "Необходимо-все равно, Пармениду
не все равно, наоборот для него необходимо, несомненно важно, чтобы это
было, а другого не было, чтобы, например, цинича зависела от Сократа,
а не Сократ от цинича. Или, чтобы было нечто, скажем так: в 399
году до Р.Х. приговоренный своими согражданами к смерти престари-
лой Сократ принял из рук торжника чашу с циничой и в тот же
момент цинича, по воле Сократа, превратилась в укротительницу на-
питка. И это не выдумка, не фантазия - а действительность, "то, что
было". Выдумка не фантазия то, что рассказывает о смерти Сокра-
та в учебниках истории. Там же, как выдумка и то, чему нас
учил Аристотель - будто бы *Ἀράξης* ~~и~~ *ἡ ἐξουσία ἐστὶν*, что необ-
ходимость не слушает убеждения. *Ἀράξης* (необходимость) и слуша-
ет и слышит убеждения и не может противиться Сократу, не
может вообще противиться человеку, который постиг тайну са-
мостоятельности ^{не оглядываясь на нее, а ей приказывая} *ἡ ἐξουσία ἐστὶν*, что необ-
ходимость *ἡ ἐξουσία ἐστὶν*, как власть и функция.

Аристотель, конечно, не удостоил бы внимания такое размышление. И речь
о Клеанте прошла бы мимо него, как и все совершенно не касающееся. Но Ари-
стотель, может быть потому, что он был более чутким, а, может быть
потому, что он был менее свирепым человеком, ^{в то} *ἡ ἐξουσία ἐστὶν* приводит

въ бышество : сегодѣ нѣтъ глѣается попытка войти въ противн забота про-
тиворечія. Это казалось ему смертельным грѣхомъ (какъ и Аристотелю, поочти),
и онъ считалъ, что нѣтъ ему выбора дать волю своему инстинкту. Хотѣлось бы
и говорить ему, да въ работѣ человека, не признающего закона противоречія
быть бы вѣлѣнъ нѣтъ податъ себя вѣнѣ - а да въ силу уму или еще что
похуе. Онъ бы возмущился, сталъ кричать, что я ему даю не то, что онъ
проситъ. Чѣмъ бы ему сказать: ты, въобщемъ, не признаешь закона противоречія -
сталъ жить, что вѣно, что умъ, что какъ угодно иудостъ - все одно
и то-же. И необходимости нѣтъ не признаешь, сталъ бытъ никто тебѣ
не въ силѣ принудитъ воспринимать умъ, какъ что то похотъ, о
вѣно, какъ хороше. Тѣмъ умъ, или вѣно и будъ доволенъ. Или такъ: козя
нѣ вѣлѣнъ похитъ себя. И отхвѣтливо ему друвой ую или пох.
Внѣтъ начнутъ кричи - но я повторилъ бы свои рассужденія. И все да
гдѣлать въ такомъ родѣ, пока не принудилъ бы козянку признатъ
истину, что необходимость непреодолима и законъ противоречія все-
вѣщенъ.

Можно видѣть, что Димитрій повторяетъ Аристотеля, тотъ же да снѣтъ Ам-
менарій изъ словъ Аристотеля. При чемъ, какъ это почти всегда бы-
ваетъ со стоиками, комментируя бы объясняетъ то, что у Аристо-
теля умалено остав^{лѣно} въ тѣхъ и такихъ образъ, въ достъ
тайну философскаго обоснованія аристотелевскихъ истинъ и законъ
противоречія, и *Ἀνάγκη* и сама истина, съ пропис^{анъ} или съ ма^{ль} и
и - все держится только угрозами: обрѣзаются уши и носы, бѣка-
лываются глаза и т.д. Искрѣ лицомъ такого принужденія всѣхъ пива^{нъ}
существо - и люди, и дѣвонъ, и ангелъ и даже боги равны. ^{Димитрій} ~~Онъ~~ говоритъ
о какомъ то воображаемомъ козянкѣ, но онъ скажетъ вамъ то-же
и о Тиракитѣ, и о Карменидѣ и о вѣрѣхъ и о самомъ Богѣ...

IV

Παρεγίβης ἀναγκάζουσας, Σοκράτους ἀναγκάζουσας (перменидъ
принуждающей, Сократъ принуждающей) - Аристотелю кажется, нѣтъ-не
кажется, онъ считаетъ самоочевидностью и утверждаетъ, что, вѣлѣнъ бытъ

всего считают самоочевидностью, что истина дана властью кудри
 великого Парменида, великого Сократа — кого угодно. И что (это са-
 мое главное) совершенно бессмысленно спрашивать, кто надгробил
 истину такой неслаженной властью и еще бессмысленнее с этой
 властью бороться. Откуда пришло к нам это убеждение? Из оп-
 ты? Но опыты — Аристотель это знает от Платона — никогда не
 бывают источником, впрочем истинным. Истина опять так не огра-
 ничена и условна, как и сама опята. *Ἀνάγκη δὲ ἀμείλιχον εἶναι*
 (необходимость не слушаться убеждений) — эта истина или есть сво-
 им источником не опыты, а что-то иное. Но даже самая обиль-
 ная опятная истина — та, что называется конституированием
 факта не может быть условной и ограниченной истиной: истина
 факта добывается, и с успехом, только зная или сама вступая
 истинно. А приводить примеры: в 399 году до Р.Х. в Афинах
 отравили Сократа. Это — истина опята, конституирование факта.
 Но она в этом званіи отбывает не может. „Что Сократ воилу-
 чашу с ядом, это то что, правда, один раз только было в
 действительности, но историческая истина, что это так было, ос-
 тается для всех времен и независимо от того, забудут ли се-
 когда и когда или не забудут, так как она в ипсилоне одного вступит из-
 бавительно современного философа. Никто уже никогда не вправе
 будет сказать: нет, это не так, этого не было — Сократа не
 отравили. И все равно, от нас идет речь: о том, что отравили
 Сократа или отравили бешеную собаку. Вечная истина, как и
 и *Ἀνάγκη*, от которой она родилась, не слушается и не слышит
 убеждений, и так же, как никто не слушает и не слышит, он
 и различать ничего не умеет: для нас все равно — что отравили
 Сократа, что отравили собаку. К тому и другому событию она
 автоматически христианствует негласно восторгаясь и этим нас-
 егда парализует волю изагодобателя. Раз вступила *Ἀνάγκη*
 слово уже не смеет подумывать, возмущаться, возражать, бороться,

наз истина!) сь самими Сократами. Пусть кто угодно говорит что угодно: Аристотель не уступит своего ἀνάγκη καὶ ἀναγκαστικόν ἐστι (необходимость не слушается убеждений). И опирается еще, повторю еще раз, не на опыт — ~~у него есть иная опора~~, а на опыт, а на опыт истину не дает, он дает только эмпирические, временные, и проходящие истины: у него есть иной источник истины...

В 399 году отравили Сократа. После Сократа остался мир с его ученики Платон, и Платон, ἀναγκαστικοὶ δὲ ἀνὴρ καὶ καὶ ἀληθείας (принуждаемая самой истиной) не мог не говорить, не мог не думать, что Сократа отравили. Он писал об этом в "Апологии" и в "Критике" и в "Редоне" и в других своих диалогам и подчёркивал что он писал алаялая и слышится только один вопрос: только ли в мире есть такая власть, которой дано окончательно и навсегда принудить нас согласиться с тем, что в 399 году отравили Сократа? Для Аристотеля такой вопрос, как явно баснословный, не существовал. Он был уверен, что истина: "Сократа отравили", как и истина "собаку отравили" равно защищено против всяких человеческих ^{и божеских} возражений. Истина не различается между Сократом и собакой и ли, ἀναγκαστικοὶ καὶ ἀναγκαστικόν ἐστι (принуждаемая сама собой) обязана впасть опосредствованным или непосредственным суждением не делать никакой разницы между Сократом и собакой, даже между Сократом и божественной собакой.

Платон это знал не хуже, чем Аристотель. И он, мы помним писал: ἀνάγκη δ' οὐδὲ θεοὶ καὶ ἄχουται — и боги не борются с необходимостью. И все же до конца жизни боролся с необходимостью. Отсюда и пошел его дуализм, за который он всегда упрекали, отсюда и противоречия, такь озорствующие его друзья и такь радующие его противников, отсюда и его, столь расхожавшиеся Аристотеля парадоксы. Платон не довольствовался тем, что истина —

номъ истина, который утѣшаетъ и потѣшаетъ его великаго ученика.
 Онъ знаетъ, что и творца и отца всего раскрывать трудно, а рас-
 сказавъ о немъ показать невозможно ($\epsilon\delta\rho\acute{o}\tau\eta\lambda\alpha\ \epsilon\iota\varsigma\ \pi\acute{\alpha}\tau\eta\rho\alpha\varsigma\ \lambda\epsilon\upsilon-$
 $\kappa\lambda\omicron\nu\ \lambda\epsilon\gamma\epsilon\iota$) — и темъ не менее всеми силами стремится прео-
 долеть и трудности и самое невозможно. Иной разъ кажется,
 что только трудности его привлекаютъ, а что его философский гений
 пробуждается къ своей настоящей деятельности лишь предъ лицомъ
 невозможнаго. $\eta\delta\iota\gamma\lambda\alpha\ \delta\acute{\alpha}\rho\ \pi\omicron\lambda\upsilon\tau\eta\lambda\epsilon\omicron\nu$ — на все нутно держать, и темъ
 больше нутно держать, чѣмъ меньше вѣроятности, та мазь обѣща-
 вшаягого, чего нибудь добивая. И вотъ никакой надежды
 вырвать Сократа изъ власти вѣчной истины, для которой что
 Сократъ, что бѣшеная собака — все равно, на вѣки его поглотившей.
 Стало быть, философия и философамъ о чемъ больше думать не
 должно, какъ о томъ, что въ отбѣтъ Сократа. Или нельзя иначе,
 ну что спуститься въ адъ, какъ спускался Орфей въ Эридиконъ,
 надо идти къ богу, какъ пошелъ когда то Никомедъ, кото-
 рая управляющая естественныхъ ходомъ событий муза, $\Lambda\gamma\acute{\alpha}\phi\eta$
 (необходимость) не могла устоять и посланіе которое оти-
 вилъ сдѣланную имъ самимъ статью казалась и продолжалась
 казалась послѣдовательному мнѣнію предположъ безумія и прав-
 ственной распущенности. Но на судъ божье, которое, въ противу-
 положность $\Lambda\gamma\acute{\alpha}\phi\eta$ и устоять и хотѣть слушать убѣждения,
 невозможное и безумное становится осуществимымъ и разумнымъ.
 Богъ и послать и разговаривать собою не только, какъ необходи-
 мость. „Все, что соединено говорить Богу, можетъ быть развязано,
 но только гурьбой можетъ хотѣть разсудить то, что хорошо
 соединено и что держится какъ слѣдуетъ. Поэтому, вообще говоря,
 въ, какъ порожденная, не охраняется отъ разлосенія и не безащитна,
 но ба не подвергается разлосенію и не испускаетъ смертной судьбы,
 такъ какъ ба, по логіи быть ($\lambda\eta\gamma\epsilon\iota\ \epsilon\mu\lambda\epsilon\iota\ \beta\omicron\upsilon\lambda\eta\theta\epsilon\omega\varsigma$) получивше
 крѣпость быть прочною, чѣмъ та, съ которой бы родилась

Не только Аристотель, но никто — даже самый страстный почитатель платоновской философии — не может читать без досады и раздражения эти слова. Что это за ^и «^и мои воли», которой присваивается право и власть направлять течение естественного течения событий? Мы «^и понимаем» ἀνάγκη (необходимость) и тогда «^и понимаем», что ἀνάγκη + ἐξελάνεον (εἶναι (потому что «^и понимаем» и что такое эти понятия — такие вопросы и ставить не хотим), но ὅς ἐστι βουλήθεος (по моей воле) — вся духовная природа мнимаго человека, вся его душа (вообще говоря души нет — но для такого случая найдется) возмущается гордостью и дерзливостью такого рода притязаний.

ὅς ἐστι βουλήθεος — бог есть ли что иное как деус е машина, а о деус е машина мы все ^{судим} ~~думаем~~, не можем не судить, как Кант, что «^и в определении деус е машина непонятна и действительности нашего познания деус е машина является самым полезным из всего, что можно выдумать» или, как еще более勇敢地 высказывалось в греческом языке словами того же Канта: „zu sagen, dass ein höheres Wesen in uns schon solche Begriffe und Grundsätze (ἀpriori) weislich gelegt hatte, heisst alle Philosophie zu Grunde richten". ~~Начему деус е машина является непонятной и непонимающей?~~

~~Начему философия так страшна нам? Внимательно ли мы смотрим на великого мира? Физик, химик, даже, политик, еще историк, еще размышляет не задавая таких вопросов: у него свои, охраняемые, задачи, свои работы и, соответственно свои вопрошания. Но философ, да еще философ, задумавший критику чистого разума или, если говорить о приемниках Канта, философ, производящий через критику чистого разума, как он может не видеть, что деус е машина или ein höheres Wesen имеет по меньшей мере таких же права, как и любой из принятых философию предположений. И уже во всяком случае никак нельзя без критики "квалифицировать" такие допущения, как непонятные и в корне разрушающие всякую философию. А значит тем же, достаточное признать для них хотя бы~~

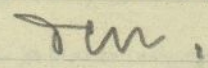
Почему *Ανδρική*, которая не слушает и не слышит *υποκρίσεων*
 какется, намъ разумнымъ допущениемъ, а *Δεὸς ἐκ μηχανῆς*
 или *εἰς ἄλλοτερος ἔσσης*, который слушает и слышит, не можетъ
 намъ такой непонятностью? ^{Истина} ~~Истина~~ — *Ανδρική* — *ἀνθρώπινος* (свободы)
 (необходимость не слушает *υποκρίσεων*); что она положила, то на вѣки
 такъ и лежать останется, такъ что нельзя не согласиться съ Кантомъ,
 что тутъ речь идетъ о прогности нашего познания, за которую
 мудрости и слепота и неспособность поддаваться *υποκρίσεων* *Ανδρική*
 являются надежнейшей порукой, въ то время какъ *Δεὸς ἐκ μηχανῆς*
 отравляетъ путь и защищаетъidou канонъ уродливо напроказъ (*jeder*
Grille ... Vorschub gibt) и стало *Δεὸς* ^{пробитъ} ~~ураженъ~~ уничтожить разумъ
 возможность познания. **X D.C. Π.**
 Но, въ ^{задача} ~~ураженъ~~ канта была не въ томъ, чтобы возвыситься и остано-
 вить во что бы то ни стало знание. Онъ затѣялъ „критику чистаго
 разума, значить онъ долженъ былъ представить, прежде, чѣмъ говорить
 о томъ, что бы ни было ^{подставилъ} ~~вопросъ~~; можно-ли наше знание и то, что обогато
 именуется философіей есть нечто такое чуждое, что оно нужно за-
 щитить, какъ бы ни пертвѣ это не стоило? Можетъ быть наоборотъ,
 разъ знание такъ тѣсно связано съ мудрости *Ανδρική* и при допущении
Δεὸς ἐκ μηχανῆς (*ἄλλοτερος ἔσσης*) становится *ἡγεμονία*, то
 не ^{лучше-ли} ~~связанъ-ли~~ намъ отъ знания отназаться, и искать покрови-
 тельства у того „каприза“, который такъ пугалъ Канта? Не
 есть ли готовность отназаться отъ знания единственно лишь способомъ
 или отъ бы первой шагъ къ тому, чтобы отвѣдаться отъ не-
 навистной *Ανδρική*, которая, какъ мы помнимъ, заставляла
 порою тѣсно вздыхать самого Аристотеля, которая не боится
 и готова обитать? Но что Кантъ, а за Кантомъ все ма,
 называемъ непонятнымъ допущениемъ сумитъ намъ возможность
 освобожденъ и смертныхъ и бессмертныхъ отъ власти телесной и
 бессиленной силъ, Богъ въѣтъ какимъ чудомъ овладевшей мірами
 и покорившей себя все, что есть въ мірѣ живого? Можетъ быть

Всегда за Deus с тою же полнотой конец независимому ра-
 чению и вернуть людям творческое живое, от которого и богатые
 кришлось ~~престав~~ в какой то таинственный и страшный
 момент отдаленного прошлого? Может быть, влиять на
 Арджу падать власть и других узурпаторов, которых мы,
 приучили к рабству, рабам и безвольным, вручили свою судьбу.
 Закон противоречия и закон тождества вездесущи, никто
 не спрашивая, вошли в мир и стали в нем хозяевами.
 Когда мы утверждаем, что звук таинствен, эти законы влившись
 ваются и падаются в свое место: мы таинство не разрешаем
 стало быть этого нет. Но, когда кто сказал: Сократ от-
 равили, оба закона безразличны и даже дают толчок
 суждению свое благословение, превращая его, как мы помним из
 временного в вечное. Не скрывается ли, однако, где нибудь в
 глубинах бытия такая "реальность", при которой при-
 рода законов противоречия и тождества совершенно рождается
 могла бы, так что уже не они повелевали, а человек
 повиновался, а что бы они повиновались приказанию человека т.е.
 оставались бы спокойными, когда звуки отяжеляются и становятся
 бы на дыбы, когда казнят праведников? Так что бы суждение
 "звук таинствен" ^{не} (казалось бы ~~противоречивым~~) беспомощным,
 а суждение "Сократ отравлен" оказалось бы внутренне проти-
 воречивым, а потому никогда в действительности не осуществи-
 вшимся? Если такое возможно, если возможно, что Арджу, не
 желающая слышать обиднейших словечек пред "Givle" (капри-
 зом) человека, если закона противоречия и тождества перста-
 ють быть законами и превращаются в исполнительные органы,
 если возможно невозможно — но что стоят "вечная истина",
 накопленная ^{наблюдательная} "человеческой"? Спросить, как узнать, возможна
 или невозможна такая реальность. Но не есть: как
 узнать! Разь стали спрашивать; на второе нам скажут —

Получу ¹ *Ἀράμην*, которая не думается и не слышится ² *ἡ ἀλήθεια*,
написана „наши разумные допущения“, а *ἡ ἀλήθεια* и *ἡ
ἡσυχία* (на *ἡσυχία* держатся). И можно, если это правда, если есть
физического рода глаза, то, что *ἡ ἀλήθεια*, какими глазами видеть
мо истину, какими *ἡσυχία*? При всем этом и сами мы не бу-
дем иметь возможности ответить на этот вопрос. Равно
допустимо, что истина открывается телесному глазу, как и то,
что она открывается глазу духовному. Или еще ³ *ἡ ἀλήθεια* (физические
глаза отличают истину от лжи — *ἡ ἀλήθεια* *ἡσυχία* *ἡ ἀλήθεια*
телесные отличают *ἡ ἀλήθεια* от лжи, *ἡ ἀλήθεια* от пороков и т.д.,
но *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
и сами были *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
(принуждаем самой истиной) и *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
(принуждают). Но все это было хорошо до того пор, пока мы,
в которых они *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
зачем. Таким образом принуждают угрозами, *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
Ἀράμην. Но *ἡ ἀλήθεια*, кто телесное глаза потерял, у кого на
материальное телесное зрение появилась *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
(зрение духовное), *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
принуждают ли *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
принуждают, *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
и все *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
соль представляющая быть *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
Думаю, что не может быть *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
ἡ ἀλήθεια *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
наша *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
время и *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*
ленин. Лучшим комментарием к приведенной *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια* *ἡ ἀλήθεια*

[illegible]

οὐκ εὐγυνίη ἡ δὲ βουλήσεως (по слоу бунто) εἰσπορεύεται τῷ μὲν,
 что есть. Аристотель не усматривает платоновскую *ψυδ'λη θάνατον*
 (упражнение въ смерти), хотя эта мысль — можно такое назвать
 мыслью? — въ „Редонъ“ развивается и проходитъ черезъ ~~все~~ *φύσιν*
 со всею капризностью, къ которой Платонъ былъ способенъ. Онъ го-
 воритъ, что все истинно отъдававшееся философίᾳ ничего другого
 не давало — только готовилъ къ смерти и умиранию (*ὑποδνή-
 ζειν καὶ τεθνήσκει*). Правда, онъ тутъ не прибавляетъ, что
 философия это обыкновенно отъ жизни скрываетъ. Но, выходитъ, что
 и скрывать по ~~делу~~ не заглаживаетъ. Платонъ не скрываетъ, провозглашаетъ
 во всеуслышаніе, ^{свое *ψυδ'λη θάνατον* (упражнение въ смерти))} но тайна нисколько не въкралась. Какъ до, такъ
 и после Платона, былъ удивительнъ, что у смерти не приходило не-
 жатъ откровения и истины, что смерть есть конецъ и открове-
 ніе и истина. Съ Платономъ не споритъ, онъ не возвращающъ
 но о *ψυδ'λη θάνατον* (упражненіи въ смерти) почти никто не
 говоритъ. Исклѣченіе представляетъ Спиноза, который, какъ и
 Платонъ не боится *θάνατον* *πολύ* *ἔχει* (держитъ на весѣ), не боится даже
 проходить ~~по~~ не окраиваясь бытіемъ. Онъ, какъ бы отъбоялся Пла-
 тону, *homo liber de nulla re minus quam de morte*
cogitat, et ejus sapientia non mortis, sed vitae meditatio est (Eth.
 IV, LXVII) т.е. свободный человекъ меньше всего думаетъ о смерти,
 и его мудрость есть размышленіе не о смерти, а о жизни. Это,
 собственно говоря, говоритъ даже уже сказалъ Аристотель: въ де-
 лово такъ можно отвѣчать отъ Платона со сво думообразіемъ
 околѣ и упражненіемъ въ смерти. Какъ глаза, кроме тѣлес-
 ныхъ глазъ и *φύσιν οὐκ εὐγυνίη* *φύσιν οὐκ εὐγυνίη* — есть, въ какомъ то
 смысле высшая степень, высшее развѣтленіе *φύσιν οὐκ εὐγυνίη* или
 даже, если хотите, тѣлесная *φύσιν οὐκ εὐγυνίη* *φύσιν οὐκ εὐγυνίη*. *φύσιν οὐκ εὐγυνίη*
 въде приводитъ къ *tertium genus cognitionis*, ^{къ} *cognitio intuitiva*
 т.е. какъ разъ не тому роду познания, въ которомъ *ἄνδρην*
 обнаруживается во всемъ своемъ всемогуществе и практическомъ вли-

полноты. Sub specie necessitatis преобразуется в ~~Спиноза~~ в sub specie aeternitatis т.е. необходимостью становится идеальность, равно какъ и действительность. Она происходит отъ разума, который Спиноза, забывая свой долгъ обо всемъ говоритъ такъ, какъ математикъ говоритъ о плоскостяхъ и линияхъ, называетъ donum maximum et lucem divinam и которому онъ воздвигаетъ алтарь, какъ единственному, достойному поклонения богу — quia атам paravit sibi qui majestatem rationis caedit? И только отъ разума можно получить то "египетское папирусы", ^{или-же} ~~которое~~, какъ учили все мудрецы всехъ странъ мира, будетъ нибъ человекъ, который не видитъ и который существуетъ и боги, которыхъ никто никогда не виделъ ни твоею душой, ни чувственными глазами. Aequiescentia in se ipso ex Ratione oriri potest et ex sola aequiescentia, quae ex Ratione oritur, summa est, quae potest dari (Eth. IV, LII). >

Спиноза не любилъ Аристотеля, можетъ быть потому, что когда-то можно зналъ его, но скорѣе потому, что онъ и у Аристотеля нашел слишкомъ явное слоговое ^{или-же} ~~математическое~~ ^{математическое} мышление, отъ которого онъ хотѣлъ себя считать совершенно свободнымъ. Онъ ^{стремился} ~~хотѣлъ~~ создать не philosophiam ^{optimam} ~~veram~~, а philosophiam ^{veram} ~~optimam~~, онъ уверялъ всехъ и себя, что человеку "лучше" вообще и не нужно, что съ него достаточно иметь "истинное". Но Спиноза вошелъ двоякимъ образомъ. Аристотель, какъ мы видели, вѣрилъ въ царственный нравъ истины и не, когда не палъ въ своихъ философскихъ и научныхъ изысканіяхъ, протестовать противъ того, господствующаго и зависимаго положенія, на которое мы обрекли условия нашего существованія. Онъ говорилъ, правда, о цѣляхъ міроустройства, о томъ, что природа ничего не делаетъ напрасно и т.п. Но это были только методологический приемъ, приемъ разсужденія истины, какъ и его ритмикъ moriens immobili бѣлъ только не живымъ, одушевленнымъ богами, обитавшимъ на Олимпе или нѣмъ, почти и дающимъ отъ насъ, но реальнымъ міромъ вселенной, а только действительный слогъ, опреде-

рессованы въ томъ, чтобы превращать камни въ мраморныя сущности,
но иногда были заинтересованы въ томъ, чтобы превращать жи-
вые люди въ камни. Почему? В чемъ тутъ дело?

VI

Здесь я лишь вскользь коснулся Сократа — подробнее я говорил
о немъ въ другомъ месте. Мне важно было только отметить
привлеченіе противоположностей между поставленнымъ собою на-
мерениемъ и Сократомъ. Задумавъ, Огюстъ видитъ въ философии у-
дѣль δαράδου (управление въ смерти) и утверждаетъ, что настоя-
щіе философы нѣкогда этого не дѣлали, какъ ἀποδυνάμει καὶ
ἐφ' ἑαυτοὺς (приготовляясь къ смерти и умирая). Для него фило-
софия даже не наука, не знаніе, — только не упражненіе въ
смерти названъ наукой — а что то совсемъ иного порядка.
Онъ не хочетъ не обострять, а притупить философскій взглядъ, ко-
торому, по общему мнѣнію, дано находить пути изъ исто-
рическихъ вещей истинны. „Развѣ та не замѣтила, ^{нужно} ~~говоритъ~~ ^{о ней},
на томъ, о которомъ говорили, что они дурные, по умнымъ людямъ
(ὡς ἀεφρονέων ποταμὸν καὶ, σοφῶν δέ), какой острый взглядъ
бываетъ у такой души, какъ она хорошо видитъ то, на
что падаетъ, такъ какъ способностямъ видеть у нея не малая,
но она принуждена служить Злу, и тѣмъ вътрѣ она видитъ,
тѣмъ болѣе зла она дѣлается (Посл. 519, а). Способность видеть
Einsicht, intuitio, какъ бы сама по себѣ она не была велика, не при-
водитъ человека къ истинѣ, наоборотъ — уводитъ отъ истины.
Cognitio intuitiva, даваемая разумомъ и приносящая acquies-
centia in se ipso, ^{она же} ~~quae~~ Summa est quae dari potest — Платонъ
превосходно знаетъ, что во всемъ этомъ люди видятъ послѣднюю
мудрость, но ^{онъ} ~~уже~~ чувствовалъ въ немъ существомъ своимъ, что въ надѣ
этой acquiescentia in se ipso таится самое страшное, что бываетъ
въ жизни. Онъ учился у Сократа и о своемъ учителѣ рассказывалъ
намъ, что самъ Сократъ называлъ себя ободомъ (κύων) и видѣлъ

свою задачу не в том, чтоб успокаивать людей, а в том, чтоб непрерывно их жалить и посылать в их души неистребимую тревогу. Спinoзовское *ratio* приобщает людей *acquiescentia in se ipso*, да еще такое успокоение, которое *maxima est quae duci potest* — это значит, что *ratio* несет все с собою величайшее спокойствие, с ней все пусто, доброты, дельно и полезно, не останавливаясь ни перед какими трудностями и жертвами. Платон — отец диалектики и сам был наделян не малым даром видения. Но истинным его философским постижением отнюдь не была ни диалектика, ни искусство различать там, где другие никто не различают. И видение и диалектика могут быть по сути ^у „зла“ — и тогда, какой в них прок? Чем больше мы видим, тем больше мы погружаемся в зло и совершенное видение привело бы нас окончательно к выжиганию зла во всем. Об этом, только об этом и говорит нам платоновский призыв обитатели пещеры ясно и отчетливо видеть все, что перед ними проходит, но чем тверже и прогннее добры, тем они тем, что видят, тем беспредельнее их положение. Или нужно искать не ясности и отчетливости, не твердости и прогнности. Наоборот, или нужно испытать величайшее подозрение, огромную тревогу, нужно создать предельное душевное напряжение, чтоб порвать те цепи, которыми они прикованы к тенькам своего заключения. Ясность и отчетливость, столь соблазнительная вещь (не только Декарта — Декарт был француз, но люди до него и даже после соблазнились) и представляющаяся всем гарантией истины, Платону наметил тем, что закрывает ^{от} нас истину на всегда. Она ^{Ясность и отчетливость} ^{то} ~~притягивает~~ нас не к действительности, а к иллюзорному, не к существующему, а к мнимому существующему. Если вы спросите, откуда взял это Платон, как и доказал он, такой же обитатель пещеры, как и все прочие, что то, что он видит есть не действительность, а только

непосредственно) несет человеку заглавные дары не бояться
даже самого закона противоречия? Научает вообще ничего не
бояться и πάντα δουλεύει (друзать на все)? Диалектика на
Платону, ни его откровениями вообще и не была пуща и оне не
ней прибавлять не столько потому, что его откровения не могли
быть не обойтись, сколько потому, что без неч не могли обойтись
люди, перед которыми Платонич потонул вводит свои истины,
люди, приученные думать, что, по природе вещей, где путь си-
ла, там и путь и правда, что сила когда-то вдумается (по
своему напору) разрешит правду "быть", а то и не разреша-
ет, а сама существует, ни у кого (и неясно всего у правды) не
прощивать согласия и созвучия. В терминологии Сипоза! куб-
но нехотит philosophiam veram, а не optima.

Этот вопрос проходит через все произведения Платона, но
нигде у него не поставлен с такой ясностью и определенностью,
как в Федон, в котором он нам рассказывает, что философия есть
μελέτη θανάτου (упражнение во смерти). И это, конечно, не случайность
перед лицом ожидающего казни Сократа грусть разговора немалая.
Если можно философией есть μελέτη θανάτου - то еще можно уготовить
муча в смерти человеку различия и философствовать. Если же, "исти-
на" у Сипоза и homo liber de nulla re minus quam de morte cogitat,
то философ сущи уже навсегда закрыл уста Сократу - еще до того,
как он начал разговаривать с адептами. Исключенное мнение, которое хочет
и может взглянуть во ^{маса} ~~лицо~~ смерти есть мнение некое измороженное,
что-то то, которое от смерти отворачивается и о смерти забыва-
ет. Иначе говоря: в плоскости разума истины, которых искал Пла-
тон, не встречаются. Они предполагают новое, неучитываемое ordinarily
измороженное. Когда Платонич стоит перед гимназией: vera philosophia и
philosophia optima, он соглашается, не колеблясь, вдобавок: vera philosophia
аму не пуща, он ищет и добывается ~~phi~~ philosophia optima. Если
до его спросили: кто даст ему право выбирать, если да от него потре-

Добавим того, что ^уюристы называют *fustus titulus* и ~~з~~тем одним
понимают весь философия, он не наверное не умный бы, а, может, и не зако-
нотворец ^{на}такой вопрос отвечать. Или ответить бы вопросу на вопрос:
да кому вообще присвоено право раздавать то, что пришло т.е. люди,
по своему назначению и по своему душевному складу, призванные дающими
открывающим или в пещеру или в разумности, называют словом
fustus titulus? И в самом деле: кто или что вершает судьбы людей?
Тогда на этот вопрос не будет ответа, весь наш мир будет
иметь только условное значение. И потому: мы говорим „кто“ или
„что“. Это значит: может быть *fusti tituli* органа в распоряже-
нии некого, чувствующего, выбирающего существа, а, может быть, они
во власти чего-то, чему вообще ни до кого и ни до чего ~~вообще~~ ^{ничего} нет
дела. Оно безвольное, равнодушное, автоматическое, ничего не слушающее
ни со стороны не считается, вносит свой окончательный приговор, на
которое и апеллировать некуда. И если оно, это безразличное и равно-
душное „что“ есть источник и жизни и смерти, то какой смысл,
какое значение иметься условностям в борьбе? Не есть ли в таком-
случае борьба только самообманом, самообнулением, безостановочная дерзко-
важность, которая неизбежно должна обнаружиться и ^{тщательно} ~~покажется~~ при
первом столкновении человека со действительностью? Сколько бы мы
не продвигали наши вопросы, ясно, что в той близости, в которой
они ^{родились и выросли} ~~находятся~~ мы не получим желанного ответа. Или лучше:
в этой близости ответ заранее предпринят. Никакого „кто“
нет у источника бытия, стало быть никакого „кто“ нет и у исто-
ка смерти. Или, если быть ^{там} ~~когда~~ ^{кто,} ~~без заглавного~~ ~~врагства,~~
~~какой то кто~~ то он уже давно, в незапамятные времена, от-
рекся и от себя и от своих суверенных прав, передав их в бес-
полезное пользование ^{никого} ~~некого~~ ^{из мертвых} ~~хватаки~~ ^{никакое дерзновение} ~~кого-~~
либо ~~никакой~~ ~~силы~~, ~~уже не вернет~~ ~~доставшая~~ ему власти.
В этом смысле *semper parat, semper fuit*, в этом смысле *vincit*
et non dat и *dat et non vincit* (принужденный), о которых у

наше или противное. Разумение и убеждение, даже просба и убога,
 убога, тут равно не помогут. ^{Разъ} ~~Съ~~ истинная реальность находится
 в двузначной плоскости "что", и, ^{разъ} ~~и~~ мышление соответственно
 этому знает только два исчисления ($\epsilon\iota\rho\alpha\iota = \nu\omicron\epsilon\iota\rho$), то волюда быть
 не может: придется отказаться отъ выбора, принять повиную Ανδρ-
 ῆν и уже не принимать истинъ безъ ее согласия и позволения. Необходи-
 мость выбора не разрешаетъ - если хотимъ обрести право и свободу вы-
 бора, пусть покинутъ ту плоскость, где осуществляется ее власть,
 не останавливаясь ни предъ какими невозможностями и ^{прежде всего} ~~разъ~~ навсегда
 преобретъ всеми *justi tituli*, евовавшими не только нашего моти-
 виста, но и бытие наше. Никого и ничего не спрашивая, по собственному
 почину противопоставить Ανδρῆν , которая не слышитъ убога, и
 властно Ἰὼς ἑυῆς δουδῆσας (по моему волю). Иначе, чтобы ~~А~~ ари-
 стотелевский $\text{ἡρως ἰδὸς ἀνδρῆσας}$ превратился вь ἡρως ἰδὸς ,
 который оборотъ $\text{ἡρως ἰδὸς ἡρως ἰδὸς}$ (какъ власть и моти). Какъ
^{написано:} ~~казано:~~ царство божие берется силой.
 Скажутъ: это значитъ бороться съ самоочевидностью ^{бы} ~~и~~. Но Платонъ
 всю свою жизнь только и говорилъ, что бороться съ самоочевидностью.
 Чтобы одолеть ее, онъ пошелъ къ темъ отдаленнымъ крайностямъ бы-
 тия, куда никто не ходилъ, где ^{по} общему убеждению, никакой жизни
 нетъ и быть не можетъ, где вообще ничего нетъ, где властвуетъ
 полнотающая воля конца смерти. Это такое, конечно, великое, величавое -
 мое дерзновение, постыдное безстыдство, на которое способенъ человекъ.
 Но, какъ иначе добить правъ на Ἰὼς ἑυῆς δουδῆσας (по моему волю)?
 Это ἡρως ἰδὸς ~~и~~ ἡρως ἰδὸς ²⁶ ἡρως ἰδὸς (разъ, где Платона, повторю еще
 разъ, было такъ-же непорочно, какъ и где Аристотели. Но, что
 такое смерть - этого никто не знаетъ. Она страшна на видъ, это
 правда. Но, ἡρως ἰδὸς (прекрасное-трудно). Этого и Сократъ
 не отрицалъ: *omnia praesentia tam difficilia quam fata sunt*, только
 заканчивалъ онъ свою этику. Можетъ быть, за трудностями и убо-
 гами смерти кроется что либо, что намъ непонятно, что мы не можемъ

стало реальностью предстоящая и $\lambda\epsilon\theta\upsilon\lambda\alpha\iota$ (смерть) такой же реальностью будущего, страхи не страшны. Смерть онъ принялъ и со смертию сдружился. Въ ^{умирание и} ~~смерть и только~~ смерти, ослабляя, твоее нбй глаза, въ ~~корни~~ поправости. Власть ничто не мнущей Ανδρην и вольно твое самоочевиднать истину, которая этой Ανδρην держатся. Дума начинаетъ чувствовать, что ей дано не покорствовать и повиноваться, а водительствовать и повелевать ($\alpha\rho\chi\epsilon\iota\upsilon\varsigma$ καὶ δεσποῦναι, Фед. 64 A) и въ борьбе за это свое право, она не побоялась переломить за ту роковую черту, где кончаются все ясности и отсветы любви и где ~~только~~ обитает Вечная Тьма. $\text{Ἐα sapientia quae ne meditatio vitae, a meditatio mortis.}$

VII

Платонъ былъ pupil, преемникомъ Платона. Въ "Федонѣ" Сократъ рассказываетъ, что, ^{въ молодости} ~~когда онъ былъ еще мальчикомъ~~, ему пришлось присутствовать при чтении откровенья изъ творений Анаксагора и, что, когда онъ услышалъ, что разумъ есть устроитель и зачинатель всего ($\nu\omicron\upsilon\varsigma \xi\omicron\tau\epsilon\iota \circ \delta\iota\alpha\kappa\omicron\upsilon\tau\eta\iota \alpha\iota \tau\epsilon \kappa\alpha\iota \pi\acute{\alpha}\tau\eta\omicron\rho \alpha\iota\lambda\iota\omicron\varsigma$), онъ беспрерывно обдумывалъ и сказывалъ себѣ, что это какъ разъ то, что ему нужно и, что ни на какихъ сокровищахъ въ мірѣ онъ не променялъ бы такого ученія. Истинно за разумомъ ^{дано} такая власть значила, по его мнению, что разумъ для всего и для каждого (пойми то, что будетъ для него наилучшимъ). Соответственно этому готовясь въразѣ жданіе и для всего, и для себя только того, что будетъ для него наиболее удачнымъ и хорошимъ. Каково же было его разочарованіе, когда, прислушавшись къ словамъ Анаксагора, онъ убедился, что его "разумъ" ищетъ и находитъ въ мірѣ только естественную связь вещей! Сократу это показалось нестерпимо обиднымъ и онъ, отвернувшись отъ Анаксагора, сталъ за свой страхъ допытываться о началъ и источникахъ всего существующаго. Но какому праву Сократъ такъ рассудилъ? Подумай что-ли разумъ ^{данъ} ~~по~~ Сократу такое объясненіе вселенной, при которомъ "лучшее" оказалось бы самымъ глупымъ? Развѣ въ идеальномъ ^{данъ} ~~идеальномъ~~ разумѣ (нѣтъ) влечетъ силу находить всегда только хорошее, а не то,

[illegible]

привыкшие утверждать, что истина „Сократа отравили“ в близком или отдаленном будущем перестанет существовать и что (сейчас это самое для нас главное) самым разумным будет это признать хотя и не по своему почину, а по принуждению ($\delta\rho\alpha\kappa\tau\alpha\lambda\omicron\upsilon\sigma\epsilon\tau\omicron\varsigma$) что то, ^{что} его превосходит силой ($\delta\eta\lambda\epsilon\chi\epsilon\tau\omicron\varsigma$ $\delta\rho\alpha\kappa\tau\epsilon\varsigma$)? Есть такая сила, которая повелевает и паде истинности.²

Не может быть двух мнений: такой сила есть. И все же Платон этой силой искал и за этой силой шел туда, где, по общему употреблению, никто не мог пойти: в смерти. Но нужно признать: Платон не нашел того, что искал. Или так, пожалуй, будет: Платону не удалось дойти до истины, что он искал за пределами возможного знания. Когда он пытался показать людям ^{обратное} ~~увидеть~~ им, что на его глазах, загадочным образом превращалось в свою ^{св} противоположную Правду, и это „противоположное“ ^{не} пыталось и карает нас тем, что отблеском неискренности, который будет в смертном воспоминании об изначальной безмерной и сверхъестественной полноте и красоте бытия. Но ^{не} (искреннее) осталось неискренним. „Творца мира увидит трудно, а показать его — невозможно“. Неискреннее есть потому и по столько неискреннее, что оно, по своей природе, противится — не волеющим вообще, как мы склонны думать — а объективно, посылу воплотившему оно воплощается, но не может и не хочет превратиться в знание, ибо знание есть принуждение, принуждение же есть подчинение, лишение, отнятие, с послужным счетом тающее в себе страшную угрозу acquiescentia et se ipso: человек перестает быть человеком и становится огарением сознания как таковым. ~~$\delta\rho\alpha\kappa\tau\alpha\lambda\omicron\upsilon\sigma\epsilon\tau\omicron\varsigma$ $\epsilon\pi'\alpha\upsilon\tau\eta\varsigma$ $\eta\eta\varsigma$ $\delta\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha\varsigma$~~ (принуждаемой самой истиной) $\text{Παρμενίδης } \delta\rho\alpha\kappa\tau\alpha\lambda\omicron\upsilon\sigma\epsilon\tau\omicron\varsigma$ $\epsilon\pi'\alpha\upsilon\tau\eta\varsigma$ $\eta\eta\varsigma$ $\delta\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha\varsigma$, Парменид, олимпийский на истину, уже не есть больше тот же великий, свободный Парменид, который, как впоследствии Платон, отбавившись идти в никому не священный, только объективную людям, страну за золотом или рупом или за чем-то не похожим на сиденье любви сокровищ^{ств}, не есть больше ^{живой} (матушкой, безнойной),

непримиримой, а потому великой гармонии. Голова Медузы, которую
онъ увидалъ, обратившись назадъ, припела ему воемъ возмущенное, пос-
лѣднее успокоеніе. $\tau\eta\varsigma \delta\epsilon \tau\omicron\upsilon \delta\upsilon\lambda\omicron\varsigma \theta\epsilon\acute{\alpha}\varsigma, \omicron\iota\alpha\tau \eta\delta\omicron\nu\eta\tau \epsilon\chi\epsilon\iota, \acute{\alpha}\delta\upsilon\nu\alpha\iota\omicron\nu \acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$
 $\tau\epsilon\tau\epsilon\upsilon\theta\epsilon\alpha\iota \pi\lambda\eta\nu \kappa\upsilon \phi\iota\lambda\omicron\sigma\omicron\phi\omega$ — пишетъ самъ Платонъ. Но вѣдь онъ все
намъ разъяснилъ, что такое $\eta\delta\omicron\nu\eta$ (удовольствіе): удовольствіе есть
воздухъ, который человекъ прибавляется къ своему тѣлоисподобному, призрач-
ному, смертному бытію. И, если созерцаніе приобщитъ „удовольствіе“, то како-
во бы ни было само по себѣ это созерцаніе, намъ уже не дано избѣгнать
роковой расплаты. А Платонъ, словно нарочно, словно бѣ онъ хотѣлъ по-
терпѣть, что дальше „удовольствіе“ человеку не дано идти, что удоволь-
ствіе есть награда и цѣль вѣдѣнія нашихъ бореній, на слѣдующей стра-
ницѣ опять повторяетъ: „всякое удовольствіе ($\eta\delta\omicron\nu\eta$), кромѣ того, которое
испытываетъ разумный человекъ, не есть истинное, а только тѣлоисподобное“
и дальше онъ еще съ большими подъемами и вдохновеніемъ распространяетъ
о $\eta\delta\omicron\nu\eta$ (удовольствіи), которое намъ приобщитъ все то-же созерцаніе (585, e
586, d). Все, что въ послѣдствіи Аристотель съ такими наглыми говорилъ пи-
телю $\eta\delta\epsilon\omega\rho\epsilon\iota\alpha \tau\omicron \eta\delta\epsilon\omega\tau\omicron\nu \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\rho\epsilon\omega\tau\omicron\nu$ (созерцаніе есть самое приятное и
самое лучшее, Мет. 1072 в 23) взято имъ полностью у Платона. И у Платона
на мнѣ пахнуло не мало красноречивыхъ страницъ въ такомъ же родѣ.
 $\eta\delta\omicron\nu\eta$, удовольствіемъ человекъ действительно, точно орошенны возду-
ши, приобщается къ тому мѣсту бытія, где ему случайно пришло
пасть свое существованіе. И, соответствующе этому, страхи, вооруженная
угрозами всякая бѣда, не даютъ ему даже хотѣть бы въ воображеніи отор-
ваться отъ почвы и поднимать надъ плоскоствомъ, которому наше мнѣ-
ніе пріучилось считать вѣщающимъ ^{все} действительное ^{все} и возможное.
У насъ сохраняется загадочное изреченіе Геранитой: $\kappa\upsilon \psi\epsilon\nu \theta\epsilon\omega \pi\alpha\nu\tau\alpha$
 $\kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha \kappa\alpha\iota \delta\iota\kappa\alpha\iota\alpha, \acute{\iota}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma \delta\epsilon \acute{\alpha} \psi\epsilon\nu \acute{\alpha}\delta\iota\kappa\alpha \acute{\epsilon}\iota\pi\alpha\iota \theta\eta\epsilon\iota\lambda\eta\phi\alpha\tau\epsilon\upsilon$
 $\acute{\alpha} \delta\epsilon \delta\iota\kappa\alpha\iota\alpha$ для Бога все хорошо и все справедливо, люди же оглоу-
шаютъ справедливымъ, другое несправедливымъ. И у Платона эта
мысль еще чашѣ вѣтрочается: онъ ее повторяетъ въ послѣдней, хроноло-
гической, Апеларѣ (I, VII, 3) — $\tau\omicron\iota\varsigma \theta\epsilon\omega\iota\varsigma \acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\delta\epsilon \psi\epsilon\nu \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota, \kappa\alpha\kappa\omicron\nu \delta\epsilon \omicron\upsilon\delta\epsilon\nu$ (

1) Какое удовольствіе въ созерцаніи сущаго, этого никто ^{оному} кромѣ философа
вкусить не дано (Гос. 582, с)

(для богов есть хорошо, почти дурно) и в I (VIII, лондон) - находит оубаю
 εἰσαῦδα ("там" почти дурно); словно перекликался с немыми для нас
 загадочными библейскими "добро зло". Но, эта "нагоня" и в своем
 нагонности соблазнительная мысль, не упрямится. В том мире, где
 "удовольствия" и "огорчения", где удовольствия и огорчения являются
 "достаточными основаниями" для поступков и мыслей человека, где
 они определяют всего все, что имеет важность и значение для
 человека. Вроде того основной закон, что удовольствия и огорчения
 здесь на земле происходят не тогда и не по столько, по сколько там
 выше их позовит - а, когда или вздумается, овладевают душой
 человека и, как нас учили Платон, приковывают его к саранге
 уготованному ему в подземелье мучит, внушая ему непреодолимое
 убеждение, что так всегда было и всегда будет и что даже у богов
 все происходит, как и на земле, что удовольствия и огорчения водят и
 побуждают, а ими никто не водит и никто над ними не повелит
 вать. На языке Сократа: удача и неудача, равно выпадают и на долю
 благодативых и на долю несчастливых. Сократовское не уверение, что с
 дурным не может приключиться ничего хорошего, а с хорошим
 ничего дурного - есть "пестовый догматизм" и "пестовый образ", который
 он подобрали где-то на большой дороге или в еще худших местах
 (Сократ ведь ходил куда придется и писал не брезгал) и кото-
 рого не найдешь у того источника, откуда текут для человека
 всякая истина. Не трудно и догадаться, где нашел Сократ своего
 мнимую источник и к какому источнику он ходил за ксн. Она
 явно встала из Ἰῆς ἔχῃς βοιδήσεως (по моему), из изначального
 живого - о нем же и люди и боги забыли и вспомнить не могут.
 Убеждение Сократа родилось из его исцеления, а что хорошего может
 прийти издти, имея такое низкое происхождение? Сократ и от Ана-
 ксгора отошел, только потому, что Анаксгор возложил гоῦς, не счита-
 ющийся с человеческими экзальтами и равнодушный к "лучшему". По-
 ложив в мир никому не дано, не дано даже богам. Веленная держится

на помысли. Ἄρχος ὁ πάντων βασιλεὺς ἀνδρῶν καὶ ἰδανείων —
законъ царь надъ всеми, смертными и бессмертными (Полн., 484B).
Изъ этого никакъ не варьировать! Куда ни взглянешь, весь законъ, требова-
ний, повелений, державящая на „достойности основанъ“, о которомъ ма-
стольно говорили отъ Аристотеля и Диктета. Платонъ и Сократъ захо-
тели и посмели просить бытовъ законъ и необходимости, вставили
противъ нихъ ἡς ἐϋῆς βουλήβειας. Но — и это самое потрясающее и
самое таинственное ^{изъ себя} „но“, которая когда-то ограничивали человека — отъ
ἡδονῆς (удовольствия) они отказаться не могли, хотя бы въ то
ἡδονῆς, которое составляетъ сущность и содержание acquiescentia in
se ipso. Да, какъ быть иначе? Если ἡς ἐϋῆς βουλήβειας и по сколько
ἡς ἐϋῆς βουλήβειας (съ мосто соизволения) оставалось самимъ собой — си-
показате пользу, какъ пользу показатъ иудей и тою деміурга, которая
является истинникомъ всего ἡς ἐϋῆς βουλήβειας. Книжной правъ, ни
талантой, ни духовности не можетъ увидѣть ни деміурга, ни исходящую
отъ него повелений. Тутъ видѣній кончаются, тутъ начинается зага-
дочная область не менее загадочнаго пріизвѣнія, угадыва. Тутъ и при-
нужденія кончаются, ибо повеленія деміурга, въ противоположность по-
вѣстившимъ. Но всему равнодушны Ἄνδρῃ, никого не принуждаютъ. Они
вызываютъ къ бытію, одаряютъ, осмысливаютъ обогащаютъ. Чѣмъ больше по-
вѣстивать деміурга, тѣмъ меньше нужно повѣствованій. Деміурга зовутъ
къ послѣдней свободѣ сновидѣній и крѣпкимъ необходимостямъ человека. Они
даже не боятся — какъ это ни странно для человеческого, помышляющаго
на страхахъ и бытіи, но деміурга ниско не боятся — отдавъ всю свою
беспретворную мощь и въ свои тоще беспретворной творческой силѣ гру-
стому существу, которая ^{ос} они самъ создалъ по своему образу и подобию.
Для Бога все добро зело, ἵδ' ἔν' ὅτ' ἡ πάντα χαῖν' καὶ ἀγαθόν. Для лю-
дей иначе: для нихъ „добро зело“ — величайшая нечеткость. „Несогласны опять“
^{учить, что} всего нужно бояться, ^{что} все, что насъ окружаетъ, таинъ въ себѣ безлѣпной опас-
ности. И отъ этихъ опасностей мы отпечиваемся да возведенныхъ нами
же самими спѣнами „бывающъ“, самоочевидная истина. У Платона,

у самого Платона, не смотря на его отчаянную борьбу с *Андрей*, что
 то, в последние минуты его души, было ~~еще~~ ^{уже} неслыханное убож-
 ство, что *Андрей* & *Δυσδαιμονίου* ²¹⁵ *εἶναι* (что необходимость не слушает
 убожствений), что можно иной раз обмануть ее бдительность, обойти ее -
 но впрямь окончательно из ее власти никому не дано. *ἔξω ἡδονῇ*,
 без "удовольствия" не проходимы - а *ἡδοναί* (удовольствия) приходят и
 уходят не когда нам вздумается, а когда им вздумается. И если
 хочется им иметь, пусть идут за ними во всемогущей *Андрей*,
 пусть, скрывая сердце, отречется от суверенного гнева и вернется к
 изгнанию ~~вним~~ признанию. Разве только Платон отворачивается от
 глумления, хотя бы застыть, чтобы показать его другим, показывать си-
 вильно, *ἡδὺς ἡδὺς βοῦν ἡδὺς βοῦν* (превращаясь в тельца, в при-
 рах), но, когда Платон притаился, открывает глумление, отъежая
 возможность и способность ~~давать~~ давать людям "обожествляя" истину.
 Притом же предположает *φύσιν νόρον πρὸς νόρον* (существование не
Эгиптосу), как вполноты говорить Платон. Оно патитается
 со *ἀληθείᾳ ἐμφρόνως* (истинно и разумно) и уносит человека
ἐνέκεια τοῦ καὶ νόου (за пределы разума и знания), за пре-
 дела того "данного" разума на всегда мира, который является "условием
 возможности знания и уже условий возможности знания создается
 специально для того ^{существующей} ~~созданной~~ *Андрей*, не слушающей и не слыша-
 ющей убожствений. И можно, если бы *Андрей* не было лучшей и лучшей,
 идея знания потеряла бы всякий смысл. Истина не могла бы быть
adaequatio rei et intellectus, ибо как равняется по вещи, раз в вещь
~~была бы~~ не в руках и распоряжении никого не слушающей и потому
 всегда неизменной необходимости, а зависела ^{имеет} от воли уступающей
 слушающей убожствений, стало-быть "капризную" существа (кантовские
Dens et machina, ein höheres Wesen)? Изгоните из мира необходимость
 и знание стало бы столь же несуществующим, сколь и непонятной мечтой.
 Сдается, как мы понимаем, даже оптимизм, апостериорный существование
 добилась высшего сана востановить истину, а уйдете *Андрей*, и априор-

нблмх сундєніѣмъ прїдєтсѣ записатѣлѣ въ лѣщанное, даже мушкетное
 соловіѣ прїсудѣнїѣмъ сущєствѣ. И у бѣгобѣ, не только у людей не будєтѣ
 всебѣдєніѣ. Можно прїнятѣ такое положєніє вєщєй? ~~Можно прїнятѣ~~
~~такое положєніє вєщєй?~~ И δεινὸν τὸ ἡδίστον καὶ ἄριστον (созерцанїє - самое
 прїятное и самое лучшее) - только что слышали мы отъ Аристотеля. Да и
 Платонѣ намѣ то-же говорилъ. Но, вѣдь, за то вернется ἡδὺς ἐν ἡδύσιν. ἡ-
 δέωδ - изначальная свобода. И ~~то~~ τὸ ἄριστον (лучшее), какъ и τὸ ἡδίσ-
 τον (прїятное) будѣтъ прїходитѣ не тогда намѣ возмущается, а тогда
~~ихъ позовемъ~~
~~мы захотимъ!~~ И ἡδοναὶ не станутѣ, какъ цѣли, прїковывать насъ
 къ наторжнѣмъ таканѣмъ, а влѣтѣтъ съ нами переселятѣся въ тотъ міръ,
 гдѣ не закона владѣютъ надъ смертными и надъ бессмертными,
 а гдѣ бессмертные и, съ нѣмъ бѣжєтѣвнѣмъ созволенїѣмъ, создали не члн
 смертные, еамн творятѣ и сами отнѣтѣнѣтѣ законы, гдѣ сундєніѣ, от-
 равили бѣжєтѣвнѣмъ собаку" гдѣтѣвнѣмъ естѣ вѣжєтѣвнѣмъ итѣина, на
 сундєніѣ и отравили Сократѣ" окаянєтѣвнѣмъ истинной вѣжєтѣвнѣмъ, прїно-
 щѣнѣ, гдѣ и гдѣ людей πᾶσα δέησις καὶ πᾶσα καὶ δέησις, гдѣ все зѣлѣ
 гдѣтѣвнѣмъ. Еще разѣ скажу: Платонѣ этого и только этого добивалѣ:
 вѣрватѣвнѣмъ изъ пещєра, гдѣ тѣмъ намѣтѣ гдѣтѣвнѣмъ гдѣтѣвнѣмъ
 и гдѣ на прїзрачную гдѣтѣвнѣмъ гдѣтѣвнѣмъ гдѣтѣвнѣмъ, иѣвнѣмъ она она
 менѣтѣвнѣмъ. Вѣдь точно, гдѣтѣвнѣмъ, гдѣтѣвнѣмъ гдѣтѣвнѣмъ гдѣтѣвнѣмъ гдѣтѣвнѣмъ
 вѣжєтѣвнѣмъ, еамн намѣ сундєно прѣбратѣвнѣмъ въ тѣ областѣ, гдѣ не вѣтѣ
 бѣтѣвнѣмъ съ нѣмъ ἡδὺς ἐν ἡδύσιν (πᾶσα δέησις) (нѣтѣвнѣмъ не вѣжєтѣвнѣмъ свободой) и
 бѣтѣвнѣмъ гдѣтѣвнѣмъ, даже бѣтѣвнѣмъ гдѣтѣвнѣмъ гдѣтѣвнѣмъ, которое мы нѣтѣ
 нѣтѣвнѣмъ всебѣдєніѣмъ. Платонѣ, ~~говоря~~ ~~рѣшилѣ~~ ~~этого~~ ~~лишь~~ ~~искалѣ~~. Но Анѣтѣвнѣмъ она
 заласѣ не только не слушающѣй уѣтѣвнѣмъ. За гдѣтѣвнѣмъ гдѣтѣвнѣмъ
 своєтѣвнѣмъ сундєтѣвнѣмъ и обѣтѣвнѣмъ съ нѣтѣвнѣмъ, надѣ которѣмъ еѣ данѣ
 бѣтѣвнѣмъ вѣжєтѣвнѣмъ, она зарѣтѣвнѣмъ отъ нѣтѣвнѣмъ сознанїѣмъ. Снѣтѣвнѣмъ
 анѣтѣвнѣмъ образѣ намѣ вѣтѣвнѣмъ прїѣтѣвнѣмъ. Нѣтѣвнѣмъ много людей, прѣтѣвнѣмъ
 нѣтѣвнѣмъ въ оѣтѣвнѣмъ сознанїѣмъ каппѣ, сама Анѣтѣвнѣмъ, сознанїѣмъ
 своѣ каппѣ, но бѣтѣвнѣмъ бѣтѣвнѣмъ, природѣ, обѣтѣвнѣмъ сознанїѣмъ.
 И обѣтѣвнѣмъ даже Платонѣ, уѣтѣвнѣмъ гдѣ, гдѣ и въ нѣтѣвнѣмъ "мірѣ"

можно существовать только тому, кто с нею соглашался, что и необходимости и божие борются, что мир произошел от соединения разума с необходимостью. Правда, разум во многом угодил необходимости, как и должно. Даже необходимость возбуждала (τοῦ δὲ ἀνάγκης ἀρχόντος), но возбуждение было лихимое и обуславливалось молчаливым признанием за Необходимость ее первичных прав и даже первородства. Больше того: чтобы "возбуждать" необходимость, разуму пришлось уступить в самом главном и самом существенном, пришлось согласиться, что весь спор между истинами решается *βία-силой* и что истина есть только тогда и только потому истина, что сi даго принуждают людей. Тереза твоей же глаза люди привязываются к мнѣту своим заключениям, *ἡ δὲ βία τοῦ οὐχί* (духовное зрение) также должно ^{привязывать} ~~привязывать~~ принуждают, *ἀνάγκη*. Къ умирающему Сократу сошли его преданные ученики сателлы, чтобы получить отъ него не просто истину, а принуждающую истину, правда принуждающую не тереза твоей же, а через духовные глаза, но оттого не только не ослабленную, а усиленную в своем принуждательности. Сократъ предъ лицомъ смерти — приготовляясь къ смерти и умирая — доказываетъ, доказываетъ, доказываетъ. Иначе нельзя! *οἱ πόλεις ἀπὸ τοῦ παρέρχου* (людьми своими собственными нехорошими): если не докажемъ, оἱ πόλεις (кто ^и) не повторять? Но кто эти πόλεις, эти "все люди"? Ученики Сократа ведь не πόλεις, а избранные? Но и избранные не составляютъ исключенія и они не хотятъ, не могутъ бороться. Оἱ πόλεις — это "все мы": не только толпа", но и ученики Сократа, не только ученики Сократа, но и Самъ Сократъ. И онъ хочетъ прежде увидеть, хотя бы через *ἡ δὲ βία τοῦ οὐχί* ^{οὐχί} тереза *οὐχί* *mentis*, а потомъ принять и подтвердить. Оттого онъ такъ прислушивается къ возвращенію своимъ ~~ученикамъ~~ собеседникамъ. Оттого принявши его духовное наставление божественный Платонъ до конца дней своихъ не могъ отказываться отъ диалектики. Диалектика есть такая же сила, какъ и сила физическая, есть такое же смертоносное оружие, какъ мечъ или стрѣла. Никто только властвовать или и весь миръ будетъ у твоихъ ногъ. Весь миръ т.е. все

люди. Все люди будут принуждены повторить то, что мы восхитились как истину. Повторяю и настаиваю: предъ лицомъ всякаго Сократъ и Платонъ не рѣшились идти къ истинѣ, своихъ истинъ: предъ лицомъ всякаго они становились, какъ бы, какъ ты о^х подлдо^х, о которомъ сказано, что имъ свойственно не верить, которые принимаютъ только доказанную, изъясненную истину, истину видимую, видную, самоочевидную. Тамъ, где предъ лицомъ „видимаго“ — духовному-ли, физическому-ли — глазу, тамъ печаль и от туда исходитъ некая. Ночь габеліамъ Необходимости Сократу пришлось пойти на эту уступку: $\text{ἐν δὲ τοῦ ὄντος ὅρατον}$ (видение сущаго) и ἐν ἡδονῇ (удовольствіе), связанное съ видениемъ сущаго онъ предъ лицомъ ученикамъ своимъ вѣнчалъ ~~такъ~~ многочисленнаго ~~ἡδονῇ~~, ~~котораго~~ связаннаго обитателей пещеры съ воспріимлемъ той пещерной действительности, въ которой Платонъ въ какой то загадочной моментъ своей жизни бурно поубивалъ присутствіе разлагающихъ элементовъ уничтоженія (damnatio aeterna). И это „видение“ ^{оцѣнено имъ было, какъ} ~~большое~~ „большое“ даръ боговъ смертнымъ, больше котораго они никогда не получали и не получаютъ¹⁾. О^х подлдо^х добились своего: они хотѣли уже теперь, предъ лицомъ Сократъ закрыть глаза, получить награду свою — и получили. ~~Даже~~ ~~она~~ „Философія“ выступила съ такими пропитанными заявленіями въ адресъ: $\text{ὁ μὲν οὖν δὲ ὑπερὶ ἄλλων, ἄλλ' ἢ αὐτὸν αὐτῷ}$ — никому не верить, только самому себѣ. Но, кто верить только самому себѣ, только своимъ глазамъ, хотя бы и духовнымъ, тотъ неминуемо станетъ бабелемъ и даникомъ. Агафнъ и будетъ обреченъ поубивать себя ~~себя~~, ~~котораго~~ она оставила на долю смертныхъ и бессмертныхъ. Незаметно для себя Платонъ соскочилъ (или съ спелю) съ такой высоты, на которой онъ вознесся когда $\text{ὁὐκ ἔστιν ἄλλος πρὸς ὅντιν}$ — Единый предъ Единымъ — черезъ управленія и размышленія о смерти онъ забывалъ все страхи и угрозы, ~~это~~ ^{члѣ} ~~забывающіе~~ ~~онѣ~~ люди достигъ къ постиженію истины и вновь попалъ въ ту плоскость, где даже великій Карнепидъ, $\text{ἀνδραγαθότατος ἀκολούθει τοῖς φαεινομένοις}$, ~~уже~~ не имѣетъ ис-
хитъ ничего другаго, кромѣ того ~~ἡδονῇ~~, которое дается содер-
жа-

¹⁾ Филонъ, 47 В.

нѣмъ сущахъ, го нѣго и бѣе нѣго сформировавшихся и благавшихся.
 И не только карменнычъ, ~~сми-боги~~, ἀρχαὶ γούγενοι ἐν' αὐτῇς τῇς ἀλη-
 θείας (принуждаемая самой истиной) отказались творить и исполнять
 по своей воле то, что что-либо во вселенной. Платону не удалось "пере-
 убедить". Ἀρχὴ + Ἀρχὴ ~~и ἀρχή~~ она удовлетворен не слышитъ-
 а Ἀρχὴ перехитрила Платона. Да удовлетворишься быти со всеми и
 думать, какъ ~~всѣ~~, пришло все отъ дѣла. Влавытхисе мѣра отъ дѣла
 Ἀρχὴ: сѣи принадежитъ все мѣра, а τῇς ἐκ τῆς βουλήσεως преврати-
 лось въ призракъ. И вѣстность съ тѣмъ пещера и все, что въ пещере
 происходитъ, вновь стала царствомъ единой и поистинѣ реальности,
 въ которой ~~нѣтъ~~ ни быти, ни мѣщенія.

VIII

Аристотель одержалъ полную победу надъ Платономъ. И, какъ онъ
 говорилъ, такъ остается лѣтъ до нашего времени. Николай Кузан-
 ский писалъ: inter divinam mentem et nostram id interest quod inter
 facere et videre. Divina mens concipiendo creat, nostra concipiendo
 assimilat seu intellectuales faciendo visiones. Divina mens est vis effec-
 tiva, nostra est vis assimilativa." Въ этихъ словахъ какъ будто по-
 торчелся мысль Филона, исходящая изъ Библии: ὁ ἰδρ θεὸς ἀφαν-
 ῶς ποιεῖ. ὁ λόγος ἔρπον ἢ αὐτοῦ. Но и Филонъ, какъ известно,
 въ своемъ стремленіи примирить св. писаніе со греческой мудростью, дос-
 таточно ослабилъ смыслъ и значеніе библейскаго et dixit Deus. У Нико-
 лае же Кузанскаго, стоящаго на порогахъ новой истории, связь между
 мышлениемъ и творчествомъ совершенно разрывается, въ сѣнѣхъ ~~ни~~ гово-
 ритъ, но уже думаетъ, какъ древніе и ^{въ} (приведенныхъ) сѣнѣхъ его ~~словахъ~~
~~знаніи~~, если соединить съ ними наше христіанское т.е. исходящее
 изъ Библии теологію, можно безъ труда разлѣпить знакомое намъ
 semper parat, semel fuisse. Николай Кузанский чувствовалъ, что до Бога

дадено, такъ дадено, что лучше и не думать попытокъ дойти до Него,
 а, примирившись разъ навсегда со своей смертной судьбой, не *facere, a videre*
 и *conspiciendo assimilare* и что принципъ *adequatio rei et intellectus*
 для человека есть всеобъемлющей принципъ познания истины, все равно,
 станемъ ли мы расширять обыкновенный, положительный истину или
 подойдемъ къ положительнымъ метафизическимъ проблемамъ. И, если такъ ду-
 малъ Николай Кузанский, который, хотя въ племъ и видѣтъ справедливости
 провозвѣстника новой философіи, все таки былъ еще тѣсно связанъ съ биб-
 лическими масливами средневѣковья, то что сказать о новомъ времени?
 Какъ должно было оно ограничить права и возмощности человеческого мыш-
 ления? Правда — и этого никогда не нужно забывать — страхъ предъ сво-
 бодой есть, по необходимости, основная черта нашей, можетъ быть и искаженной,
 но все же действительной природы. Въ глубинахъ нашей души не вѣстаетъ те-
 лавіе дансе Богу поставитъ хоть какіе нибудь пределы, отомовитъ
 его творческую жизнь, его право на живете, но *ἡ ἐν ἑαυτῇ βούλησις*. Иначе
 кажется, что и Богу лучше не повелевать, а повиноваться, что даже воля
 Бога, если ее не подчинитъ закону — либо „вѣчному“ закону превратится
 въ произволъ, въ капризъ. Лучше не говорить о воле Авиньонской, которой могъ
 и хотѣлъ представлять себя св. Кисаріе только въ оправдѣ аристотелев-
 ской философіи и которой пріучилъ помодурствующимъ покровителемъ цѣлитель
 опрабу не меньше, чѣмъ то, что въ нее было оправдано. Но дансе такой
 свободной и такой христіанской имперіи, какъ Дунес Скотт
 могъ успокоиться только тогда, когда ему начинало казаться или когда онъ
 себя убаюкивалъ, что и паде Богомъ есть что-то, что Его связываетъ, что и
 для Бога есть невозможное: *lapidem non potest beati Deus beatificare* не ро-
 tentia absoluta nee ordinata. Зачемъ ему было такое утверждать?
 Онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, безъ труда выполнить, что рассказывалъ
 въ книжѣ Бытій: Богъ создалъ человека изъ праха и созданного имъ изъ
 праха человека благословилъ. Спрашивается — онъ это *potentia ordinata* или
potentia absoluta — все равно, вопросъ Скотту, Онъ это сдерживалъ. Но дансе
 и Дунес Скоттъ боялся предоставитъ Богу ничто не ограниченную

полноту власти, потому что даже считали, что сам Бог этого боится.
Другое, что, если бы спросили Августина, то выяснилось бы, что Бог
не только не может beatificari lapidem, но и наоборот греховно не может
Бог навсегда побороться за св. Августина: esse potest justitia
Dei sine voluntate tua, sed in te esse non potest praepter voluntatem
tuam... Qui ergo fecit te sine te, non ^{те} justificat sine te. Ergo fecit
nescientem, justificat volentem. И ~~уже~~ ^{може} ~~навсегда~~ ^{за} примечательны слова
Августина:

μονον ἄρ' αὐτοῦ καὶ θεοῦ ἀρρίσχεσθαι
ἀφ' ἑαυτῶν ποιεῖν ἄλλ' ἢ ἢ περὶ ἑαυτῶν.

И еще много е прошло бы такого, что и для Бога „творчество“ и гра-
лология, которая исходит из положений, что наука о божественности
представляет науки о действительности, получает, наконец, то, что
ей нужно, когда она сталкивается на препятствия, равны непреодо-
лимой и для Бога и для людей. Это и называется veritas de la rai-
son или veritates aeternae, ибо непреодолимое для Бога есть уже оне-
чужденно и навсегда непреодолимо. И самое важное: человеку дано
не только узнать, что есть такое непреодолимое, прежде/которыми
сам Бог должен скропиться, но еще дано своим (духовным, но-
вичко) разумом эти непреодолимое отличить в бытии и в сущности
ли сказать, что Бог не может beatificari lapidem, не может
человек ^{спаси} praepter voluntatem suam, не может огнать бы бывшее сего-
днем прошедших. Есть много таких „не может“, которые стоят
равно и перед Богом и перед человеком: ex nihilo nihil fit, закон
противоречия и т. д. Совокупность таких „не может“ и соответству-
ющих им „может“ составляет целую науку. Наука эта, пред-
ставляющая важную группу знаний, представляющая и действи-
тельность, есть основная философская наука. И люди, и боги
должна учитывать все ~~у~~ той же Архей, которая сама ничему не
учит, просто ИС знает и знает не хочет, которой и грех
вообще ни до кого и ни до чего нет, и который, не смотря на это,

не только того и не стремился к тому, поучался там вольно и не
 вольно существующим, что перед ее лицом Боги и люди становятся
 равными, равноправными, точнее равно бесправными. Гегель ~~благословенно~~
 выразил это - свойственной ему осторожной или умной сдержанностью -
 благодушием в своей логике: „Логика, пишешь он, сведется поэтому
 почитанию, как к системе чистого разума, как к царству чистой мысли.
 Это царство есть истина, как она без покрова, есть сама в себе и
 для себя. Можно, поэтому, выразиться так, что это содержание
 есть изображение Бога, каков Он есть в своей сущности до сотворе-
 ния мира и вечного духа". Теперь десятая страница, Гегель, словно
 забывал, что он писал Бога с прописной буквы, забывчивость: „Система
 логики есть царство истины, мир истинный, свободный от
 всякой чувственной конкретности". Конечно, Гегель мог бы и сам рассуди-
 ть об этом приведя к логике и не раздумывая из десятичной страницы.
 Тогда читая буквы было бы, что такое истина без покрова и каков
 тот Бог, который был до сотворения мира и конкретного духа. Но Гегель -
 отвлеченнейший из философов контрабандастов, быть все же слишком
 своим временем и умом, где требовалось, не договаривать, как умом
 избежать непустых сопоставлений. Логика есть „изображение Бога, каков
 он был до сотворения мира", „логика есть царство истины" (истины - не ду-
 лов даже: ведь это уже четко сказано). Знаешь: Бог, каков он есть
 и есть царство истины? Кого не знает, скажут вам многие и многие
 почитатели Гегеля - Гегель был вступившим в зрелость и проникновенным
 христианином. Он поклонялся Богу в духе и истине, как то и требу-
 ется в христианстве. Нельзя спорить: едва ли у какого другого философа так
 часто встречаются слова „дух" и „истина". И потому - он назвал
 христианство абсолютной религией, учил, что слово стало плотью, ро-
 ботил отрочество Бога, признавал так себя и почти все, тем
 что исповедует христианство, хотел „обосновать" все свои фило-
 софские труды. Все это так. И, все же больше всего правильно,
 что гегелевское христианство, как и вся гегелевская философия, исповед-

так из Аристотеля, как нельзя больше соответствовать современному
 устроению. Возможно, даже очень вероятно, что если бы Гегель был
 католиком, он бы был бы признан достойным ecclesiae и замкнулся бы
 в кругу Анвинского, который в значительной степени устарел и требу-
 ет исправлений, называемых, во изобретение соблазна, и стилизации.
 Но, вот прочтение ересику из его „философии религии“ и в известности,
 если бы в чем сущность христианства, второе как греческое „пресу-
 ществование“ христианство, чтобы удовлетворить „разум и совесть“ „босни-
 тавизма“ на аристотелевской ^{те} *Идее* европейского человека или, второе,
 как пресуществование христианство, погнавшее уже власть *Идее*.
 „Может быть, что вера в религии ^и называется сущностью; но если
 Аристотель говорил против иудеев, обвинял иудеев, требовавших от
 него иудеев и говорил ученикам своим: „Уже будет вести вас ко
 всем истинным. Вера, называемая с такими вышними вещами, есть не-
 то, формальная вера и с любовью должна занять вера истинная. Если
 этого не будет, то к чему придет ^{спирит в такой веры, в} предельное требование ^и которых
 они, на известной степени образования, пре- утесворить не могут (по
 черкуче леву). Такого рода вера есть вера, и говорящая своим содер-
 жанием конечное и случайное т.е. не истинная вера, ибо истинная ве-
 ра имеет не случайное содержание... Возникли ли на свободе в Канте
 галлийской готти больше или меньше вина, это совершенно безразлич-
 но; тогда чинили аутан, что изгнали или парализовали ру-
 кну: миллионы людей ходят с парализованными руками и ник-
 то их не излечивает. Или в В.З. рассказывается, что при вхождении
 из Египта на дворах еврейских домов были сданы крапные знаки,
 добры ангелы исподтиль могли распознать их: будто бы ангелы и без
 этих знаков не могли распознать евреев? Такая вера не имеет
 никакого интереса для духа. Замечательны ниспользи Вольтера направ-
 лены против такой веры. Он говорит, между прочим, что лучше бы
 Бог научил евреев о бессмертии души, чем учить их *aller à la selle*.
 (Второй, 23, 13-15)
 Отношения между составными, такими образом содержания ^{мы} „Вера“. Гегель

1) Думаетъ бже и въ этомъ много открываетъ: „Начало философіи, говоритъ онъ, есть сознаніе своей безпомощности и безсилія предъ неодолимостью (дѣла — и сл. предъ ея вѣдѣніемъ)“

Ix

Кант считает разрушительным метафизику, а в деле бытия философа, вернувшего метафизику отпавшей у него Кантом права. На самом деле, дело только довершил дело Канта. Убеждение, что вера есть знание, ~~и~~ ^{мыслительно} скрывает под лирикой груда, братство к св. писанию и к самой возможности иного приобретения к истине, кроме того, которое предлагается наука, достаточно свидетельствует о характере поставленной себе целью задачи. Для него существует только один истинный истинный, ^{он} убеждает, что вера, всегда и повсюду, когда мы хотим добром к истине, или к тому истинному, из которого возникла он собою философ. В "Логике" он пишет: „Die Fähigkeit des Begriffs darin besteht, negativ gegen sich selbst zu sein, & sich gegen das Vorhandene zurückzuhalten und passiv zu machen, damit dasselbe nicht bestimmt vom Subjekte, sondern sich, wie es in sich selbst ist, zeigen könne". А в философии религии он добавляет: „In der glaubensvollen Andacht vergisst das Individuum sich und ist von seinem Gegenstande erfüllt". А еще так, что совершенно ясно, что „in der Philosophie erhält die Religion ihre Rechtfertigung vom denkenden Bewusstsein... Das Denken ist der absolute Richter, vor dem der Inhalt sich bewähren soll". И ganze о христианстве, которое он называет абсолютной религией он говорит в заключение возмущения монох: „der wahre christliche Glaubensinhalt ist durch Philosophie zu rechtfertigen". Это значит: бытие, и в нем и без сомнения, укореняется в неосомной разумной истине и все, что есть онгальное понятие на возможности иного истинного, конечно бытие имеет прощительное изображение отвергнуто, как фантастическое и несуществующее. „Wie der Mensch das Sinnliche zu lernen hat - auf die Autorität hin, weil es da ist, weil es ist, wie er sich die Sonne gefallen lassen hat, weil sie da ist, so muss er sich auch die Lehre, die Wahrheit gefallen lassen". Как бы извивается дело, как не будет он, что убеждает себя и других, что свобода для него дороже всего

В см. Записки о нем и книгу Richard Kroner: von Kant bis Hegel - и так и так, что было написано по истории немецкого идеализма,

на светъ - съ юнца юнца въ въ возвращаетъ къ старому общепри-
 знанному и весьма понятному (т.е. разумному) средству - къ принуждению.
 Въ области метафизической, где обитаетъ философия, какъ и въ обла-
 сти эмпирической, где обитаетъ положительная наука, безразлично вра-
 вить и владеть та *Истина*, о которой мы столько слышали отъ
 Аристотеля и Платона. Хотимъ не хотимъ, мы все все признаемъ
 чувственно данное, точно такая же улитка есть и отъ „истинно“¹ ре-
 лиги, которую Гегель называетъ христианствомъ, по которому въ хри-
 стианствѣ писанью не нуждается, ибо, какъ мы помнимъ, наука ~~бываетъ~~
 логикой уже сама, безъ всякаго христианства, ~~и~~ постигла истину,
 какъ она есть въ себѣ и для себя, безъ ~~всякаго~~ покровъ и мановъ Божь
 въ своей вѣчной сущности, до сотворенія міра. Не держась религии, про-
 говорилъ ли Гегель, такъ наглядно соединивъ „истинно“ конкретное, чув-
 ственное действительности съ истинными религиозными въ общему
 понятіи принуждающей истинно, или въ умозаключеніи подтерпевшей
 неравномерную связь между метафизическимъ и позитивнымъ познани-
 емъ. Склоненъ думать, что умозаключенію, какъ умозаключенію, конечно, онъ,
 пытавъ говорить о Канте Гамбургской и излагая парадоксы,
 закончилъ вольтеровскимъ *aller à la selle*. Но, все равно, умозаключенію
 или умозаключенію - *Аско*, что для него не метафизика, ни религия
 не могутъ терять своихъ истинъ изъ этого источника, чужды тогда,
 въ который, говоря языкомъ Спинозы, мы узнаемъ, что сущность уи-
 ловъ въ треугольнике равняется двумъ угламъ - и это не аномали-
 я то, что у насъ въ „революционной духа“ онъ говорилъ съ крайнимъ несо-
 мнѣніемъ и пренебреженіемъ въ методахъ логикоматики. Вотъ почему и
 сказалъ, что Гегель только добершился до конца Канта. Какъ известно,
 что Канта метафизика сводилась къ тремъ основнымъ пробле-
 мамъ - Богу, бессмертію души и свободѣ воли. Когда онъ поставилъ
 вопросъ о томъ, возмозна-ли метафизика, онъ исходилъ изъ предпо-
 ложенія, что метафизика только въ томъ случаѣ возможна, если
 на вопросъ о томъ, есть-ли Богъ, бессмертна ли душа, свободна-ли

теоретический разум. Таковы сущность сего онтологического доказательства бытия Божия: у него, как у Канта, „показывается“ не теоретический, а практический разум. Еще лучше это видно будет из следующего размышления Лейбница: „wenn der Mensch Böses tut, so ist dies zugleich als ein an sich Nichtiges vorhanden, über das der Geist mächtig ist, so dass der Geist die Macht hat, das Böse ungeschehen zu machen. Die Reue, Busse hat diesen Sinn, dass das Verbrechen durch die Erhebung des Menschen zur Wahrheit als ein an und für sich Überwundenes gewusst wird, das keine Macht für sich hat. Dass so das Geschehene ungeschehen gemacht wird, kann nicht auf sinnliche Weise geschehen, aber auf geistige Weise, innerlich.“¹⁾ Вся метафизика Лейбница так построена: дух теоретический останавливается, губит свое бытие и способность что-нибудь считать, там является на выручку практический разум и заявляет, что он как угодно бродит руками разводит. Только слова другие: бытие практического разума — Geist. Но ведь, конечно, нет такой ^{силы} ~~силы~~ в мире, которая могла бы вернуть огнища бытия не бывшим и совершившееся преступление, как бы ужасно оно ни было — братоубийство Каина, предательство Иуды — останется на вехи свершившимся: оно находится в восторге теоретического разума и только самым почитаемым благи ксудимой, ксудующей убеждения Авраама. Но тут вовсе никакой пунты, что бы вдруг бытие стало не бывшим во чувственном, конечном мире, как тут никакой пунты в Канте различия или воскресения Лазаря! Все это было бы разрывом естественных связей и стало быть „насилием над духом“. Практический разум принимает другое, много лучшее: он „внутренне“, „духовно“ через раскапывание сгущает огнища бытия не бывшим. Значит, как это часть

бываетъ при ижеи произведеніи Иереміа, затруднясь въ развитіи! говорить
ли онъ въ самомъ дѣлѣ то, что думаетъ или черезъ него говорить за-
интересизировавшая ~~не~~ превратившаяся въ удареніи сдѣланіи на-
мень Арафу. Еще можно допустить, что Каинъ или Иуда, если бы они
не знали раскаяніи, задѣли бы о томъ, что они сдѣлали и нѣхъ преслѣ-
деніе упомянуто въ Лентѣ. Но, вѣдь, раскаяніе потому и есть раска-
ніе, что онъ не можетъ жить въ мирѣ со свершившимся. Отсюда и
всегда о вѣнчикѣ туга пошла. Или, если вѣдь не по сердцу исхода, на-
полю вѣдь свидѣтельство Лукиана:

Лечѣи кипятъ. Въ утѣ, подавленности тоской,
Плывутъ тѣлѣи думъ изнѣнѣ
Воспоминаній безмолвно предо мной
Свой диллианъ разбиваютъ свѣтомъ
И, въ отбращеніи чинѣи всѣхъ чинъ,
Я пренецѣи и проклиная,
И горько плачу, и горько смею,
Но, спрѣи печальности не смѣваю.

Лукианъ не убилъ брата, не арестанъ божественнаго учителя, но онъ
знаетъ, что никакой практической разумъ, никакая истина, даже та,
которая, по словамъ Иереміа, существовала до сотворенія міра, не можетъ
дать ему того, чего требуетъ его душа. Лукианъ думаетъ, что Лукианъ
иначе судитъ и о Каинѣ иудейскій и о воскресеніи Лазаря и ему
не вѣрится, что повѣствованій въ Лукианѣ пожелаютъ проворить "на-
шего мышленія, которое является единственно судей" и что разрывъ
естественнаго свѣдѣнія и свѣдѣнія съ насильемъ погубитъ. И это все та же
для Иереміа, какъ и для Каина, вѣра или то, что они называютъ вѣрой,
напоминаетъ погубитъ онѣи разума. "Der Glaube aber beruht auf dem
Ergebnisse des Geistes, nicht von den Wundern, sondern von der absoluten Wahrheit,
von der ewigen Idee, also dem wahrhaften Inhalte; und von diesem Standpunkte
aus haben die Wunder ein ~~sehr~~ geringes Interesse". Я думаю, что онѣи

макия ибуду, чтоб самодатныйши права и, без критики являлись. И тогда выяснится, что articulus stantis et cadentis кантовской и всей, что добавившейся за ней философии было связано ее призраком, не имеющей никакой опоры во действительности и идеи. Или, лучше сказать: идея о том, что *deus est machina* (или *höheres Wesen*) есть самое последнее из возможных допущений, была внутренней канту и тем, кто за Кантом шел, все той же не слушающей убожества Фихте, которая обладает даромь отразить всякого, на нее опиравшегося в камень. И сила внушения была такова, что Кант во самом деле не только на *аву* но и *восит*, не только предъ другими, но и передишь с собой, ^{на} *не* *буду* *личности* *нелюбь* *вирвауби* *из* *власти* *этой* *идеи*. Вся действительность ^{акт} *оказалась* *распластан* *той* *и* *насилуно* *вбитой* *в* *ту* *двухмерную* *плоскость* *машинизма*, *которой* *и* *в* *самом* *деле* *не* *допускает* *так* *вмещать* *в* *себя* *ни* *Deus* *est* *machina*, *ни* *Höheres* *Wesen* *и* *потому* *выигнать* *величайшую* *пестроту* *во* *всех*, *что* *поисте* *отпечаток* *прониканности*, *свободы*, *почина*, *что* *иметь* *и* *жизнь* *не* *пассивного* *движения*, *и* *творческого*, *ничего* *не* *связанного* *и* *не* *определяемого* *другим*. В этой же плоскости уместился и Гегелевский "учок", который, со *всех* *его* *столь* *прославленной* *свободой*, *оказавшей* *тоже*, - вторах по еще до *создания* *мира* - *отречением* *быть* *по* *кругу*, *wo* *in* *das* *Erste* *anch* *das* *Letzte* *und* *das* *Letzte* *anch* *das* *Erste* *ist*". Для Гегеля, как и для Канта, как и для Фихте и Шеллинга (особенно первого периода) предъ познаний и идея истины были неразрывно связаны с идеями *механизма*. У Фихте и ^{Шеллинга} ~~Гегеля~~ мы встречаемъ quite выражения *та* *ких*: *механизм* *человеческого* *духа*. Кант в "К. Р. С." упорно настаивает на томъ *положении*, что, *мы* *никоим* *образом* *не* *можем* *доказать* *невозможности* *появления* ^{организмов} ~~механических~~ *чисто* *механических* *и* *естественных* *путем*". А во "Критике чистого разума" мы читаем: „Wenn wir alle Erscheinungen seiner (menschlichen) Willkür auf den Grund erforschen könnten, so würde es keine menschliche

H

Handlung geben, die wir nicht mit Gewissheit vorhersehen und aus ihren Vorhergehenden Bedingungen als notwendig erkennen können!"
 Я опять спрашиваю — и теперь перестать спрашивать, может ли не утомляло и не раздражало и тебя самого ^и других постоянное повторение одного и того же вопроса: откуда у великих представителей нашей философии такая верноподданническая приверженность "механизму", точно ли они ^{еще в действительности} дали Ганнибалу илоту не полагать руки, пока не будет извержен неавистикон или деус е машина? Откуда вообще во всей философии такая верою вздорное убеждение, что в механике, в самом движении, в движении по кругу надо искать полную тайну мироздания? Немцы же издавна всегда любили говорить о свободе и без конца проповедовали свободу. Но какая же может быть свобода там, где все "естественно", где царствует механика? И разве не ближе к истине был Платон, рассказавший нам о уличном своем пещере, или Лютер с своим de servo arbitrio или Спиноза, открыто признававшийся, что все, что он пишет, он пишет не по свободному желанию, а по вынужденному принуждению? Такие признания (и связанные с ними ужасы — "страх Божий") ^{знаменуются собой} свидетельствуют, если не о начале, то по крайней мере о предшествующем принуждению и освобождению (ἀλλοτρίη ἐκρήσθη βίη — илотина — истинная пробужденный лот, побужденный, на замечать не знаешь) или тоску, печаль о свободе и свидетельствуют, что мы имеем дело не с одаренным сознанием как таковым, а с пассивным илотов.

X

Метафизика Теория и практический разум как та питаются из одного источника и лежат в одной и той же плоскости. Нобельский

попытка продолжать Кантовский формализм и обосновать материальную этику, была заранее обречена на неудачу. Водерпут из этики формализма знания уничтожит этику. Формализм есть душа этики, Кант "исория" есть душа познания. ^{Только} благодаря формализму стала возможной такая называемая автономная этика т.е. нечто заслуживает название этики. Только слово автономной ^{или самодостаточной} не следует понимать в том, как если бы слово это истощивало его второй момент. Конечно, νόμος παρά τῷ θεῷ καὶ ἀθανάτων βασιλέως (закон царя над всеми смертными и бессмертными) — это уже слышали от Платона. Но не менее существенно и другое: этика живет своими законами, не теми, которые заправляют другими властями бытия. Это никогда не следует забывать — иначе Кантовский и религиозный построения потеряют свой смысл и значение. Уже в "критике чистого разума" роль этики в мирозерцании Канта определяется ее достоянием способу, порою тому, как в феноменологии души ^{вечная} без труда можно уже различить ^{отречение} ~~кантовскую~~ это философия истории и философия религии. Но, все таки, только в "критике практического разума" выявляется в своем истинном и неприкрытом виде идея автономной этики. И надо думать, что ^{идея} вечная, так сама уверенно и беспощадно критиковалась ^{идея} кантовскую ^{идею} (этику, как раз и наиболее всего обязана: она дала силу возможности оберечь заветы Спинозы, от которых она никогда не могла отказаться (*sub specie aeternitatis seu necessitatis*, которое она переводит словами понятие в духе и истине) и бороться с тем, что сохранило ту торжественность построения и ритм, на которую дань право возвышенности и, которая, по глазам торжествующих людей, обличает утонченную философию, дающую *Größe* с религией.

И тогда, если такая будущая этика могла претендовать на эпитет "возвышенности" — то именно этика Канта. В ее основе лежит идея чистого, никогда ни с чем не смешивающегося добра. Чисто приводятся знаменитые слова, которыми Кант называет свое содержание и

критику практического разума: звездное небо падает на нас и моральные законы в нас. Но, по моему, ^{много} ~~это~~ заботливейшее личное отношение к себе и к другим отсюда первой части той же „Критики“. „Доказано!“

Ты восторгался, великое слово, так как в тебе есть нечто такое, что, что бы ни было, но тебе требуется подкрепление, хотя, чтобы прийти в движение воли, и не упрямство твое, что возбуждало бы естественное отбращение в душе и нула бы, ибо ты только ставишь законы, которые сами проникают в душу и против воли возбуждают уважение к себе (хотя и не всегда его исполнение) и перед которыми вынуждены быть сложности, хотя бы они ^{изподтишка} ~~вынуждены~~ ему противоставили — и уж не твое, достойное тебя, происхождение и уж корни твоего благородного появления. В нем же устраняется всякое рождение со сложностями и только из них возникают условия того достоинства, которое когда-нибудь даст себя сами. И да, несколько, пожалуй, — неужели ж не по своему словесному выражению попытка составить молитву из доброты, чуждыми разумами понятиями не оставляя ни малейшего сомнения в том, что, собственно говоря, разумитель Кант поучает этикетическим формализмом. Формализм у Канта есть то же, что „поклонение в душе истинно“, о котором ~~он~~ ^{он} так много говорил. Делать и ~~в~~ ^в том же новейшим философам, которые по-прежнему возвращаются. Кант не думает, что мы сами совершенны, что мы рабы и что наша личность, которая для нас является условием и предположением возможности автономной морали. Именно не, все в той же главе — „о побуждении к истинному практическому разуму“ — мы читаем: „эта возбуждающая уважение идея личности, которая ставит перед нашими глазами высокое достоинство нашей природы (но не разума) ... можно понять даже для самого заурядного человеческого ума ... Это результаты уважения к себе совершенно другому, чем мы привыкли сравнивать и в сопоставлении с тем же даже низше со всеми ее удобствами не имеем права. Любовь живет только для себя, а не потому, что находит какое-нибудь удовольствие в жизни“. Я не знаю и никто

не может знать, что "догма", среди которых политическая доктрина принципов
 Кант отлагается от телесного духа "и потому новейшие философы
 критика находила неустойчивость кантовское учение о личности. Идея до-
 га, идея святости нравственного закона (das moralische Gesetz ist heilig),
 равно как идея автономности разума (Autonomie des vernünftigen
 Wesen) и все то возвращенности и торжественности, которая несет
 человеку эти идеи - все это критика практического разума "обес-
 печивает не в меньшей степени, чем "критика чистого разума" обес-
 печивала науку всеобщей и необходимой истины. Если мы "продумали
 до конца свою систему", только прощая со свойственной ему ^{наказательности} дерзости (Je-
 ремиа все дерзости проходили безнаказанно, даже Мелани, зорно отмечавшим
 за "дизентерией" невинную врагу не забывали этого) ~~наказательности~~ добывая
 практическим разумом Кант возмущенности за ограду разума
 теоретическую. "Человек, пишет он в своем "догме", должен в своем
 настроении возвыситься до той отвлеченной общности, при которой ему дей-
 ствительно все равно, существует или нет он сам, та же существует или
 нет в конечной жизни (ибо тут разумнейшее состояние, определенное существо-
 вание и т.п.). *Dante si fractus illabatur orbis, impravidum ferient iunctae scissae*
 один римлянин, а христианину тем более должно быть присуще такое
 равнодушие". Все знают эти слова Лейбница, но их не понимают, они у
 нас в красном утробе ^{ставлен} ~~вставлен~~ - но самоуверенность Лейбница так обезору-
 чивает, что никому и не придет в голову, что Лейбницев дух есть
 тот же ^{кантовский} дух, в котором у нас сейчас шла речь и все уверая, что
 Лейбниц продолжал кантовский формализм и не замечают, что его
 эмпирическое доказательство бытия бога (вместе и вместе с ним
 приведенной отсылкой) не только, принципиально отличается от кантовского
 и постулата бога не отлагается, как не отлагается телесный дух
 от кантовского "догма". За последние десятилетия и Кант и Лейбниц или бы-
 вало и то же много они делали огромные ^{напрямление} ~~успехи~~, чтобы возвыситься (erheben,
 Erhabenheit - любимая слова Кант и Лейбниц), чтобы подняться до того обла-
 сти, где текут источники бытия и истины. Но они впереди были заблужден,

что человек не может и сразу сразу ступить, не отнявшись из адр, и
~~не забывшись, что не забывшись~~ ^{критика чистого разума была отнюдь раче effense} ~~не забывшись~~ ^{ранее, что путь, по которому он собирается идти, свободен.} Кант спросил -
 Кого он спросил? - возможна ли метафизика. И, конечно, получил
 ответ: нет, невозможна. Но, повторяю, кого он спросил, да клян
он признал право сказать, что возможно и что невозможно? Опять,
~~как Кант определенно заявил в деле отвергнуть Кантов, как~~
 источник метафизического познания. Уже в самом начале введения
 в критику чистого разума (первое издание), Кант определенно заявил,
 что, опять показывая то, что существует, но он не говорит нам
 что он должен быть таким, а не иным. Опять не даст нам, "истинно
 всеобщности и необходимости и разум, который так можно стремиться
 к такого рода познанию, опять больше раздражает, чем удовлетво-
 рждает". Слова замечательные! Кант, как мы видим, сразу обратил
 к своим вопросам к разуму и совершенно чистосердечно был удивлен,
 что он не имеет "критику чистого разума". Он даже не спросил себя,
 почему такое не должна появляться отом, что бы удовлетворить
 разум? Разум так ищет всеобщего и необходимого, он должен на
 все пойти, чтобы не переставать только (бала ему любезная и сердцу необ-
 ходимость, только бы он не раздражался. Перед Кантом стоял воп-
 рос, возможна ли метафизика, а что такое источник, из которого
 страждущее человечество могло бы зачерпнуть воу жизни (не за-
 будьте, что, по Канту метафизика трактуется о Боге, бессмертии
 души и свободе воли), а он только мучил и озабочен, что бы удо-
 вить разуму, которому ни до Бога, ни до души, ни до свободы нет
 никакого дела - только бы не обидели необходимость. Немецкие
 науки оправдали себя перед необходимостью, если метафизика
 хочет получить право на существование, она должна прежде всего
 заручиться благосклонностью *Arb. u. „Notwendigkeit und strenge
 Allgemeinheit sind sichere Kennzeichen einer Erkenntnis a priori -*
 существование познания, которому человек может говорить что

4
 глас Канта, самотевидная истина, какъ самотевидно, что Deus ex ma-
 china есть наилучшее допущение, или что, если еси хочешь Wesen бытия-
 востанъ въ человеческомъ духе, то философія нечего думать въ нашемъ
 міре. Кто и когда впустилъ Канта въ эти „истины“, какъ
 такого рода впушеніи стани возможна — отъговори на эти вопросы не
 ищите въ кантовскихъ „критикахъ“: все равно не найдете. Не найдете
 вы и въ томъ въ тѣхъ естествознательныхъ философіяхъ, которые продолжали думать
 Канта. Ибо куда, къ кому идти съ ними? И разве можно проти-
 вить Необходимости, угнетенію все? *Ανάγκη* ~~и~~ *ἀναγκαῖον* (ἐξ ἑκείνου),
 но за ^{то} *ἐξ ἑκείνου* ни на что съ испушкой даръ оно дозволять и покорять
 людей. Мы слышали сейчасъ молитву распростираного предъ лицомъ Кан-
 та: практический разумъ только добросовѣстно повторитъ то, что
 онъ перенялъ у разума теоретическаго. Для разума теоретическаго ис-
 тина и истина своихъ источниковъ Необходимости, для разума практи-
 ческаго добродѣтель въ послушаніи. Такому и практическому разуму
 не страшно и принять уступитъ: онъ не возмущается, не предостере-
 жетъ „повиновы“ нисколько не прозвучитъ Гово Него и не гласъ Него ^(сривачива) *αὐτοβούλη*
 во вселенной порядку. Много целесообразности въ природѣ, ^(сривачива) *αὐτοβούλη*, до-
 пуститъ пользу: такого рода автономіи небыло бы о Deus ex
 machina или о божественъ существѣ и являлась бы вторженіемъ въ за-
 ставныя ~~области~~ *Ανάγκη* отъ воли блаженій *Ανάγκη*. Но практи-
 ческий разумъ скромнѣе и неприхотливѣе. Онъ никогда не попытается
 на державныя права Необходимости и Механизма. Если въ „фигурѣ“ и
 наблюдаются таковыя явления, какъ организмъ, который иной разъ со-
 лазируютъ люди думать, что кто то не такъ ко всему безразлич-
 ны, какъ необходимость, все свои мысли и заботы въ устройствѣ
 міра, то практический разумъ подскажетъ намъ, что такое нѣтъ
 принимать очень сдержанно и лучше говорить, что въ мірѣ кой-что проис-
 ходитъ такъ, какъ еси-ба (*als ob*) судьбамъ міра быть кто-то озабоченъ.
 Такое *als ob* не оскорбляетъ величества *Ανάγκη* и не посягаетъ на ея
 суверенитетъ. За то людямъ разрешается говорить сколько имъ взума

есть о „мудрой соразмерности“ с практическим назначением чело-
веческих пропорций его познавательных способностей (есть такая глава во
„Крит. пр. разума“). (Кстати, раз „мудрая соразмерность“ стала быть
приманивающей? И деизм не машина вывернуть откуда то неслотрону
написанная на него запреты? Ничуть не бывало! Кант знает, что
он не делает. Эта вещь не Кант Галилеи и не Воскрешения Лазаря.
Это ^{одно} лишь „естественная мудрость“, которая необходимости с чужими
сердцами предоставляет в распоряжение философов. В метафизичес-
кую область такой мудрости все не проведут. Наоборот, чтобы больше
в мире быть такими мудрецами, только надежные люди будут обра-
щены от метафизики. Оттого-то, как я сейчас сказал, теоретичес-
кий разум только охотно подчиняется практическому разуму „примат“
и даже безконтрольное право распоряжаться „метафизическими ут-
верждениями“. Вещь метафизическая утверждения в то ^{ли} как раз и состоит,
что человек отлучен и без всякой метафизики пропавшей т.е. и
без Бога, и без бессмертия души и без свободы воли обретенной acquiescentia
и де с'рзо, которую породил разум. У Декарта практический ра-
зум живёт не совершенству даже с разумом теоретическим, а
перенесен в самое сердце постыдливо. „Человек должен вознестись
до отвлеченной всеобщности“ - у Декарта это не, исторический императив
исходить из „Логик“. Нечего и говорить! Декарт до конца продумал
Канта. Не зря Кант он знает, что метафизика невозможна, ме-
тафизика, которая ищет Бога, бессмертия души и свободу воли, но
она невозможна не потому, что разуму положена как то граница,
что категории нашего мышления применимы только к чувственным
данностям. Декарт раздражал даже самую пошлую боязнь в пределах
теловещного разума, побуждал, и только в основании считать
даже в том, что ^{сам} Кант в том же виде задачу „Критики разума“
Метафизика, которая открывала бы людям Бога, бессмертия души и
свободу невозможна потому, что ни Бога, ни бессмертия, ни свободу нет!
Все это упрямое спесь, которая спит в людях, не умеющих вознестись

наде отглагольными и личными и не перемещаемыми понятиями в ~~во~~х
и понятие. Отъ такихъ словъ и отъ несчастнаго сознанія, эти сны поро-
ждаютъ, нунто во что бы то ни стало издѣлать чужбючство. Все эти
представленія (Vorstellungen) : пока чужбючъ не стѣхаетъ ихъ съ собою и не
войдетъ въ область истинныхъ понятій (Begriff), давайдемъ разумомъ, и ин-
на будетъ отъ него скрамъ. Super hanc petram держится вся философия ~~Лейба~~
XI Scu

Такъ ~~хорошо~~ ^{училъ} Лейбъ, но все это вы нашли у Канта. Когда Кантъ
возвратъ метафизику на судъ разума, онъ зналъ, что она будетъ осужде-
на. И, когда, по имени Филте, милой Мелани и Лейбъ стали доказывать
^{на томъ же суде} ~~пересмотръ~~ ~~дѣла~~ процесса, они тоже знали, что дело метафизики без-
надёжно и на всегда проиграно. Свои врожденныя диалектическія силы Кантъ
напрямъ, чтобы очистишь чужбючскую душу отъ тумановъ си элементовъ
того, что онъ называетъ чувствительностью. Но диалектики оказало не-
достаточно: все, что принято называть „доказательствомъ“ за извес-
тной тертой терастъ способностей приутидаты и поворотъ себя, можно
„доказать“, что сущия чужбю въ треугольнике равняется двумъ про-
тмъ, но, какъ „доказать“ чужбючю, что, если дакъ нѣко обвалитъ
на него, онъ спокойно, точно это такъ и кончается, будетъ истинъ
полураздавленіемъ подъ обломками? Такое доказать нельзя — только
можно только внушить, какъ нельзя доказать, а можно только вну-
шить себе и другимъ, что Deus ex machina есть исключительное допуще-
ніе и что необходимость дано суверенное право помакать величину
парменидону. Кантъ покоряетъ своему предназначенію или, говоря по
Лейбу, дуру времени не брезгаетъ и внушаетъ, какъ способомъ разс-
каня истину. Главнѣе добитъ „всеобщность и необходимость“, опис-
ное — приобщитъ. Всеобщность же и необходимость внушеніе обезпечи-
ваетъ не меньше, чѣмъ доказательства. Казалось бы малѣйше потѣ-
мѣта намъ, что рѣчь идетъ о критикѣ истинно разума нескрѣ-
тскому или о критикѣ истинно разума практическаго. Но, Кантъ,
не испраивающъ ни у кого разрѣшенія, молчитъ предъ дилеммою и это

сходится за доказательство. "Казалось бы старая "анаэстезия" явно уже
выведена за ограду философского мышления, но, когда нужно выкор-
тывать из человеческого души все "патологическое" (у Канта слово па-
тологическое не значит болезненное и ненормальное, а лишь слово
употреблять, как бы сказать "чувствительное"), Кант не предпринимает
и анаэстезии и анаэстезия может сходиться за доказательство. "Крег-
ологичность, пишет он, что нечто сплелось на свою сладострастную
склонность, так что, если ему встретится соответствующий пред-
мет, и случай для этого, то это приведет к его совершению
неотвратимо; но, если бы поставили вильяма перед выбором, где ~~ни-~~
~~ветит~~ ~~его~~ ~~пред~~ ему дается этот случай, чтобы сейчас же повиноваться
его по удовлетворению сладострастия, он и тогда не победил бы
своей склонности? Не надо гадать, что он на это ответил бы.
Но, спросите его, если бы князь под угрозой смертной казни зас-
тавил бы его дать ложное показание против честного человека,
которого он, под влиянием или предположением хотел погубить, мог
ли бы он и тогда, как бы ни велика была его любовь к жизни,
преодолеть ее в себе? Сдвинулся ли бы он это или нет, он не
мог бы и сам не решился бы сказать, но без колебаний мы принужде-
ны сказать, что он мог бы это сдвинуть. Он судит, стало быть, что он
может сдвинуть что-нибудь, потому что он сознает, что он это до-
вольно сдвинуть и опознает в себе свободу, которая иначе, без мораль-
ного закона, осталась бы ему неизвестной. Кант ⁴⁾ ~~смысл~~ этой аргумен-
тации? И остался ли тут хоть тень той свободы, о которой Кант
так много и красноречиво говорил в этом и других местах своих
сочинений и которую бегать за ним и до него провозглашали лучшие
представители философии? Чтобы обосновать свои категорические импера-
тивы Кант не нашел иного средства, кроме внушения и запугивания.
Видно, что и тогда молится перед иконой души и, когда почувствовал
в себе некую силу, восторг, когда почувствовал, что сила у него
есть, что самого уже нет, что терять его приводит к падеши (тогда

ричь, возвышаясь до отвлеченной общности, выражалась по Канту), а онь самъ
 столько безвозвратный и слепой, съ оружіемъ, онъ написалъ „критику прак-
 тического разума“. Теоретический разумъ не можетъ успокоиться до тѣхъ
 поръ, пока не убѣдится въ томъ, что онъ диктуетъ законы природы, прак-
 тический разумъ природу оставляетъ въ покое, ^{то} ~~его~~ воля къ власти тре-
 буетъ господства надъ людьми. Опять на долю людей выпадаетъ ра-
 чете, живете не цѣлихъ достаетъ „идеи“, „принципы“, задача теори-
 лософий сводится къ тому, чтобы только или иными способами внушить
 людямъ убѣжденіе, что живому существу полагается не повиноваться, а
 повиноваться и что отъ насъ въ повинованіе есть смертнѣйшій прокъ, за
 что насъ наказаніе ^{идеаль.} ~~вотпаче~~ ~~существо~~. И это называется свободой. Умо-
 ствѣе волею выбирать, вѣрность рачете-живете, но уже никакъ не можетъ
 сдѣлать, чтобы тому, кто вѣдѣренъ живете показало спасеніе, а не
 рачете-идеаль. Тутъ свобода кончается, тутъ все предопредѣлено.
 Даже *ipse creator et conditor* ^{миръ} тутъ ничего перемѣнить не можетъ. И
 это свобода сводится къ тому, чтобы повиноваться. Кантъ идетъ даже
 дальше, только Сенека: онъ даже не соглашенъ допустить, что Богъ ор-
 нажда ^{приказаніе} ~~повелѣн~~. Никто никогда не приказывалъ, въ всегда пови-
 новались. Всякое приказаніе есть *Deus et machina*, это вѣнчающій ко-
 нецъ философіи. Это ему а priori извѣстно. Но онъ и а posteriori,
 какъ мы считаемъ видѣли, доказываетъ, что правдивѣйшій законъ осу-
 ществляется — правда иная, только вѣнчикъ теоретическаго разума, но
 все таки осуществляется: „сладострастникъ“ вистялицѣ напускаетъ,
 а только, повинующійся моральному закону, и предъ вистялицей не
 спасется. Для чего было Канту хлопотать ^{еще} ~~о~~ ^{такомъ} „осуществле-
 нии“? Зачемъ просить „сладострастнику“ вистялицей? Отчего не
 предоставить ему „свободу“ сладованіе своимъ склонностямъ, разъ
 свобода признается ~~столь-же~~ ^{столь-же} основной прерогативой человека? Но
 такая свобода для философа еще невозможна, только *Deus et ma-*
china и, чтобы убить ее, Кантъ не брезгаетъ даже эмпирической
 вистялицей, которой никакъ будто совѣтъ и не ^{примѣно} ~~подается~~ вѣнчикъ-

вот-бы в гротах истинных, априорных сущностей. Но, снѣ, вижу, прсдънѣ
философскому терпению. Благородный диктентъ отрываетъ носы
и уши своимъ иудейнымъ противникамъ — какъ то въ иль въ дер-
нута на висельникъ. И оиц, конечно, правы: ипиль способомъ, безъ по-
мощи эмпирическаго принужденія (вѣд у Аристотеля), "читаемъ"
идеаль никогда не добиваясь подвѣдъ и торжества, которое оицъ
такъ цѣнитъ.

И все же, какъ считалъ безъ овозвѣна. Висельница ему не помогаетъ,
по крайней мѣрѣ, не всегда помогаетъ. Въ разговорѣ о "сладострастни-
кѣ" т.е. прежде, чѣмъ рѣшилась судьба человека, иудейство на него
саванъ, "сладострастнику" не грѣхъ обрубить носъ или уши, не грѣхъ
и повѣсить его и уже никакъ не грѣхъ предоставить ему свободу.
Но, попробуйте на минуту спуститься съ "всѣмъ" истинного разумъ
и спросить себя: кто такой этотъ сладострастникъ, съ которымъ
мы такъ беспощадно расправлялись? Какъ бы ни было не отвѣ-
титъ — оицъ предпочитаетъ отвѣтъ или притѣвля въ обществѣ
понятіи. Но не даромъ всего стремиться сдѣлать общее понятіе проз-
рачнымъ. Въ понятіи сладострастникъ не трудно, при вниманіи, раз-
личить и Пушкина, написавшаго "Египетскія ночи", и Донъ Мухомъ
испанскій легенда, и Орденъ и лиризмъ ионическія древней мифологіи и даже
десертную автора "Повести Писемъ". Если бы какъ оицъ объ этомъ
вспоминать или, лучше сказать, какъ вспоминать, чѣмъ бытъ намъ въ роли
гипнотизера, оицъ самъ не былъ гипнотизированъ вселенной?
Вѣдь, оицъ бы и почувствовалъ, что тутъ грѣхъ не такой простой и само-
очевидности не такая самоочевидная и, что ни саванъ, ни сависельница ни-
чего не предпринимаютъ и ничего не рѣшаютъ. Орденъ не поддается спуску
въ самый адъ за дѣрижкой, лиризмъ вымолить для себя у бога худа,
Донъ Мухомъ подаль рѣцъ, ^{отвѣсти} ~~животности~~ ^{статута}, у Пушкина даже скропный то-
ша отдаютъ носъ за ^{одну ночь} ~~благословенности~~ Клеопатра. А въ "Повести Писемъ"
мы читаемъ: любовь сильна, какъ смерть. Что остается отъ влупленія
Капта? И, какой вѣтъ не можетъ дать сго практическимъ

разумъ и тотъ нравственный законъ, который этотъ законъ разумъ несетъ съ собой? и развѣ не ясно, что настоящая свобода лежитъ далеко отъ тѣхъ областей, которыя обитовали себя и въ которыхъ живетъ практическій разумъ? Это тѣмъ, кто законъ, тѣмъ кто раче, тѣмъ свободы нѣтъ и быть не можетъ, что свобода неразрывно связана съ тѣмъ живымъ, въ которомъ насъ постигли вѣдѣныя источники всѣхъ заблужденій, всѣхъ несправедливостей и всего извращенія? Никлаіонъ на что не спрашивалъ, можно ли ему требовать туда для самого себя, брѣжи нарушить вѣдѣныя законы и спуститься въ адъ, хотя туда не много и не догнать было спускаться и никогда не спускался ни однихъ смертныхъ. Ибои пригласивъ ихъ державы и даже мнѣ, образованные люди, когда слышалъ разсказа объ немъ дѣлали, порой забывали все, чему насъ учили и радуемся вѣнчанію съ богами. Никлаіонъ добротѣ и потому что онъ захотѣлъ невозможное стало возможнымъ, статуя превратилась въ живую женщину. Если бы въ насъ „милосердіе“ вошло, какъ новое его изобрѣтеніе, никлаіоновская безудержная страсть, которое, что мы считаемъ „невозможнымъ“ стало бы возможнымъ и что насъ темъ жопило стало бы истиннымъ. Даже такое невозможное стало бы возможнымъ, что Кантъ и Гегель перестали бы крѣпкими никлаіоновскими страстилинками, а Гегель самъ признавалъ бы, что куда не ешь насъ надъ душой, что, на оборотъ, невозможность куда ешь самое ужасное насъ надъ душой. Или я ошибаюсь: они все продолжали бы твердить свое? продолжали бы внушать намъ, что всякія страсти и посланія (Leidungen) должны съжигаться предъ душой и что истинная жизнь есть жизнь человека, умиротворяющая насъ надъ „конечнымъ“ и „проходящимъ“? и каковы бы были правы: non omnes pari conditione creantur, sed alius vita aeterna, alius damnatio aeterna praedestinatur.² Кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ?

XII

Такъ или иначе, теперь намъ понятно, почему Гегель такъ боялся „первой естественной связи вещей“ и почему Кантъ безъ всякой

предварительной "критики", т.е. не только без обсуждения вопроса, но
 даже без указания, что здесь возможна или допустима какая ни-
 будь проблема или сомнение, привести метафизику на суд оправдав-
 ных себя положительных наук и логик в их основе эм-
 пирических суждений à priori. „Alles Interesse meiner Vernunft (das
 speculative sowohl als das praktische) vereint sich in folgenden drei
 Fragen: 1) Was kann ich wissen 2) Was soll ich thun 3) Was darf ich
 hoffen" пишет Кант в одной из первых глав „К. Г. Р.". Не
 кому обращен этот вопрос, — Кант этим так все мало озабочен,
 как и Лейб. Ему ^{тоже} ~~на ум~~, очевидно, ^{представлялось нечто нелепое допущение} ~~не приходило~~, что тот обитатель
 спрашивающего связывает теория по рукам и ногам. Когда он
 обдумывает положительную науку, он спрашивает, ^{каким} ~~как~~ на земле самое
 высокое тело, чему равен диаметр солнца, какова быстрота дви-
 жения звука или света и т. д. и притом думать, что всегда ^{улыбнись} ~~надо~~
 спрашивать и что есть у него спросить. И что спрашивать полагается
 обо всем у одного и того же отбывающего, ^{у того,} ~~у которого~~ ^{его же} ~~которому~~ ~~обращается~~ ~~его~~
 вопросами о торах, солнце, свете и звуке, в ~~распоряжении~~ ~~которых~~
 находятся все Кант, soll и darf. Если метафизика не пойдет за
 этим в то же место и не получит это из тех же рук, которые
 до сих пор раздавали все Кант, soll и darf, то у нее никогда ничего
 настоящего не будет. Притом, докритическая метафизика могла
 куда то и откуда то приносить свои истины, но она не туда пошла,
 куда нужно и ее истина не истина а Nichtsgeist и Dumm. Но когда
 она, после "критики" пошла, куда ее направил Кант, она вернулась
 с пустыми руками: все Кант, soll и darf уже были розданы и на ее
 долю ничего не досталось. Казалось бы, естественно спросить: разве до "крити-
 ки" метафизика что то все же приносила, а после "критики" не стала
 приносить ничего, не знаешь ли это, что в "критике" ~~нечего~~
 видеть причину того, что метафизические источники внезапно и
 навсегда исчезли? Т.е., что не метафизика невозможна, как заклю-
 чил Кант, а невозможна и ни на что не нужна критическая

любви. Ноги любви лишь чудится ~~hintergründ und Tiefe~~ — произвол
и фантазия, что может быть обратным и страстным этого?
Лучше уже. Эвфрей, которая не слушает удивления, которой ни
до чего дела нет, которая не различает добра от дьявольской любви.
И, если теоретический разум не может, когда дело доходит до мета-
физических вопросов, обеспечить лишь неприменимость Эвфрей,
то, давая всеобщий и подогнанный, принуждающий и принудительный
суд и истины, мы все же не пойдём за метафизикой в том
исходе, из которого исходит любовь. Мы хотим во что бы то ни
стало победить, и, по образу и подобию теоретического разума
создадим разум практический, который будет успешно бороться,
чтобы не позориться стоять на алтаре извечного разума.

Таковы суть философские задачи, которые ставило себе ^{осуществлению} наше „лит-
терис“ ~~они~~ начиная с древнейших времён и кончая Кантом и
нашими современниками. Видя любовь, готовую и способную за свои
страсти и по своему направлению свою судьбу отражать существование
нашего разума. Даже Бог, отказываясь победить, лишь пред-
ставляется чудовищем. Философия может грешить свое грехом, если
всё ^{на} (всегда забудет о любви [ἡ δὲ εὐχὴ συνελήθεος]) и смануть возви-
рать алтари разума. Один Александр Македонский, или один Ни-
комах могуть свалить похитривши Аристотеля или Канта, если ^{не} про-
нудит или отрезвет он в своём. Ещё в большей мере Канта зали-
ливая. Если бы даже удалось исторически и фактически установить,
что Иисус превращал бог в вино, то пришлось бы во что бы то
стало найти способ, чтобы уничтожить исторический факт
и, нечестно, теоретическому разуму таковы задачи ставить перед
собою не сознаться признать, что однажды бывшее стало несбыточным
но у нас есть разум практический (его задают до Канта Эпику-
ра Аристотель), который „в духе“ осуществить то, на что разум
теоретический не отвечает. Канта залиливая была бы, как наш
объяснить Лейб, „нашились наш духом“, ради духом только людей,

повелено было (ἡς ἐκ τῆς βουλήσεως), оградить божество и возвести не как пугливую птицу (διακλῆγοντος δὴ ἀδῆς τῆς ἀ-
ληθείας), а как владыку и тишину (ὥστερ ἐξουσίαν ἔχων), и потому
хитро воздающее ἡς ἐκ τῆς βουλήσεως (хитро неограниченное созво-
нение), что тот единственно истинный, из которого можно затерять
материальную истину: да исполнится обещание — οὐδὲν δύνα-
τῆσει ὑμῖν (не будет для вас ничего невозможного).

А. М. Семовъ,

карты

2го января, 1930 года